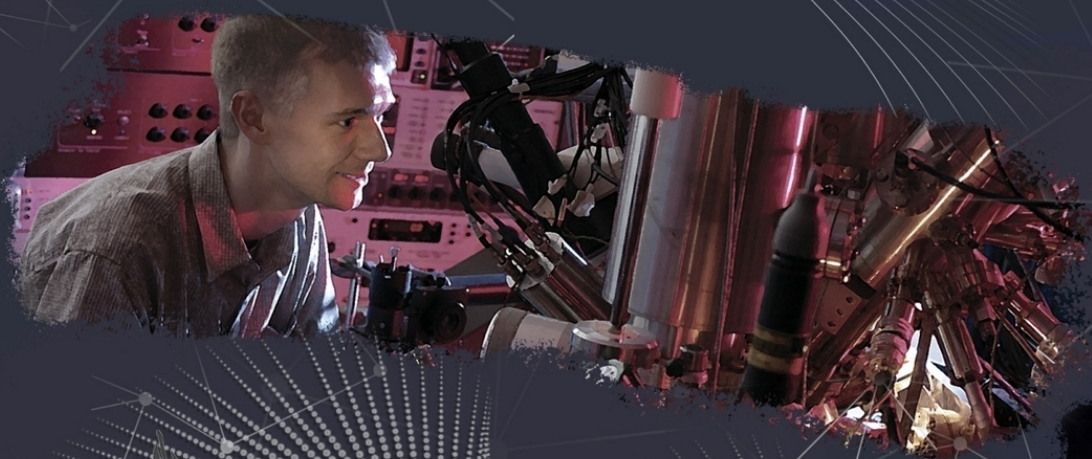

КВАНТОВИТЫ

Соммелис

Книга первая

Оксана Малинская

16+

Квантовиты

Оксана Малинская

Квантовиты. Книга 1. Соммелис

«Автор»

2020

Малинская О. Т.

Квантовиты. Книга 1. Соммелис / О. Т. Малинская — «Автор»,
2020 — (Квантовиты)

В человеческом поселении на планете Форис жизнь протекала относительно мирно и спокойно, пока однажды ученый Павел Рябинин, занимавшийся восстановлением поврежденного квантового компьютера, не пропал вместе с самим устройством. Дочь Павла, Инна, помогавшая ему с этим проектом, берется за поиски. Жители Фориса сталкиваются с силой, которую не могут преодолеть. В борьбу вступают ученые, которым предстоит в короткие сроки отвести опасность от города. Справятся ли они с этой задачей?..

© Малинская О. Т., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	41
Глава 9	45
Глава 10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Пролог

Солнцеподобная Тау Кита в небе уже клонились к горизонту, и большинство жителей небольшого городка расходились по домам, рассчитывая провести остаток дня в тишине и спокойствии. Здание единственного в этом обществе научно-исследовательского института пустело, начинающие и более опытные учёные потихоньку откладывали свои проекты. В последнее время мало кто испытывал особый энтузиазм по поводу научных открытий. Город Форис давно уже оставил надежду на расширение границ человеческого знания.

Когда-то давно полный ученых космический корабль «Форис» покинул планету Земля. Миссией этого мощного агрегата было приземление на обнаруженной в системе Тау Кита планете, её изучение, и заодно основание базы, на которой можно будет вести более близкие исследования других систем. А также, если что-то всё-таки удастся обнаружить, то команда должна была стать посредником между человечеством и другими возможными разумными расами. Но посадка на планету оказалась жесткой. Искусственный интеллект корабля принял решение спасти экипаж. Капсула с людьми, находящимися в анабиозе с необходимыми аппаратами жизнеобеспечения и запасами продовольствия была вовремя катапультирована из корабля, после чего он взорвался. Выйдя из анабиоза и обнаружив, что космического судна больше нет, люди начали обустраиваться на небольшом участке территории на планете, обосновали там небольшое поселение, и стали вести исследования.

Ввиду того, что Солнечная система находилась в двенадцати световых годах от Тау Кита, связь с Землей была невозможна. Поначалу ученые надеялись, что прошедшие за время их полета века помогли человечеству улучшить свои технологии в сотни раз, и что люди открыли какой-то способ связи с другими системами, но этого не произошло. Связь не работала, никакой разумной жизни не обнаружилось, да она и не могла так быстро образоваться – планете было всего четыре миллиарда лет. Она просто не успела за отпущенный ей срок развиваться настолько, чтобы на ней появились разумные существа. На момент приземления «Фориса» на ней уже имелись некоторые растения, создающие вполне пригодную для жизни атмосферу, но дальше флоры и некоторых многоклеточных созданий дело не пошло.

Какое-то время ученые еще предпринимали попытки то наладить связь с Землей, то найти способ убраться с этой планеты, но, в конце концов, им пришлось смириться с тем, что они здесь застряли. Они пытались восстановить квантовые компьютеры, но искусственный интеллект постоянно давал сбой, и им это не удалось. Однако их положение оказалось не таким уж плохим. Почва оказалась вполне пригодной для земледелия. Привезенные с Земли образцы различных овощных, бобовых и зерновых культур вполне прижились. Кроме того, и на самой планете обнаружилось достаточное количество съедобных растений. Имелось оборудование, с помощью которого можно было производить синтетическую еду. Природные ресурсы планеты были пригодны для строительства небольшого поселка с водопроводом и даже электричеством. У них были привезенные с Земли в электронном виде книги, фильмы и сериалы, за которыми можно скрасить вечер. Прожить на планете вполне возможно...

Таким образом, на планете, которая была названа в честь погибшего корабля Форис, появилось человеческое поселение. Его жизнь не всегда была гладкой, однако им удалось выжить. И вот, сменилось уже четыре поколения людей, и страсть к познанию нового начала потихоньку угасать.

Павел Рябинин, квантовый физик пятидесяти двух лет, стоял у окна своей лаборатории и провожал взглядом спешащих из института домой ученых. Они бежали чуть ли не вприпрыжку, как школьники, не желающие учиться. В последнее время интерес к науке теряли даже те, кто раньше собирался посвятить ей жизнь. Конечно, понять их можно. Местные микроорганизмы грибкового типа уничтожили урожай овощей в теплице, а на заводе по производству

синтетической пищи не хватало сырья. Нужно было искать способы прокормить свои семьи, а не проектировать корабли и устройства связи с Землей. Павел был практически единственным, кто упорно продолжал пытаться исправить ошибки квантового компьютера, с помощью которого он надеялся наладить связь с Землей или другими возможными цивилизациями. Ученые давно уже потеряли надежду на запуск этой технологии. Но не Павел. Он знал, что квантовый компьютер поможет проанализировать огромное количество волн, излучений, нейтрино, получаемых из космоса, и выделить из них сигналы, идущие от Земли.

Дверь в лабораторию отворилась, и раздался женский голос:

– Ой, пап, а ты что, всё еще здесь?

Павел не торопился оборачиваться. Он полагал, что все остальные ученые уже давно покинули здание. Как видно, он ошибался.

Мужчина обернулся и увидел невысокую молодую девушку-блондинку. Собранные в аккуратную косу густые волосы чуть ниже плеч, блестящие голубые глаза, тонкие черты лица, аккуратный, слегка вздернутый нос, простые серая водолазка и черные брюки, обтягивающие стройную фигуру. Это была его дочь Инна. Ей двадцать четыре года, и она вместе с ним участвовала в восстановлении квантового компьютера.

– Почему ты вернулась? – спросил Павел. – Насколько я помню, вы с Мизуки собирались пойти посмотреть на цветение лианки.

Инна отмахнулась:

– Мы каждый год на это смотрим, и ничего не меняется! Мизуки просто начиталась про праздник цветения сакуры у земных японцев, вот и пытается проникнуться, как она выразилась, «родной культурой». А сама даже японского не знает.

– Лианкия и в самом деле напоминает сакуру своим внешним видом, – заметил Павел, видевший японское растение только на картинках в электронных книгах.

– Как бы то ни было, я считаю, что это пустая трата времени, – заявила Инна. – Кажется, я почти закончила проверку алгоритмов...

Павел ее прервал:

– Это подождет до завтра. У меня есть еще одна работа в лаборатории, не связанная с нашим основным проектом, и я должен выполнить её один.

Инна недоуменно нахмурилась:

– Какую это работу ты должен выполнить один?

– Не могу тебе сказать, – Павел перевел взгляд на закат за окном, стараясь не смотреть дочери в глаза.

Инна немного помолчала, но потом, видимо, решила не настаивать и пожала плечами:

– Хорошо. Я тебе не помешаю. Мне нужен только доступ к процессору...

– Нет, – немного резче, чем нужно, сказал Павел. – Для выполнения этой работы мне нужны тишина и покой.

– А когда это я шумела в лаборатории? – повысила тон Инна.

Павел вел себя слишком жестко, и прекрасно это осознавал. Инна могла что-то заподозрить. А ему это было ни к чему.

– Прости, – медленно протянул он. – Сегодня был тяжелый день. Мне хочется побыть одному.

Инна подошла к отцу и осторожно спросила:

– Что-то случилось? Опять Новак доставал?

– Нет, не доставал, – ответил Павел. – Просто работы много. Ты же понимаешь, что в наш проект никто не верит. Эриксон хочет, чтобы я выполнял и другие задания, решая, так сказать, более насущные проблемы. Сегодня мне нужно выполнить одно из таких.

Какое-то время Инна просто смотрела на него серьезными голубыми глазами, и Павлу даже показалось, что она видит его насквозь. Ученый привычно натянул на лицо спокойную

маску. По правде говоря, он гордился тем, что у него такая умная и ответственная дочь, которая к чему-то стремилась, а не только выращивала овощи да наблюдала за цветением растений. Но сейчас ее целеустремленность могла только помешать.

– Ладно, – наконец, кивнула девушка. – Учитывая, что я уже неделю засиживаюсь допоздна, мне не мешает отдых. Удачи тебе в работе, в чем бы она ни заключалась.

Павел смотрел за тем, как дочь покидала лабораторию, с толикой печали, потому что знал, что больше никогда ее не увидит.

Глава 1

Тау Кита поднялась высоко в небо и уже стремилась к своему зениту. Инна лениво потянулась, почувствовав лучи света на своем лице. Наверное, нехорошо было спать все утро, в то время как весь Форис трудился над проблемой плохого урожая и других важных вещей, поддерживающих жизнь их городка... Но Инна официально работала в научно-исследовательском институте, и сейчас за ней числился только один проект – наладка квантового компьютера, который должен будет помочь найти ответ на вопрос: как установить связь с какой-нибудь цивилизацией, находящейся поблизости от них? Весь последний год, с тех пор, как они с отцом начали официальные разработки, она приходила в институт, когда хотела, и уходила, когда хотела. Правда, в основном Инна приходила очень рано, а уходила, когда уже темнело, так что, наверное, ничего страшного, что она немного отдохнула этим утром.

Поэтому Инна, обнаружив, что уже почти полдень, не стала сильно переживать. Девушка медленно поднялась с кровати и тут заметила, что извлеченный на ночь нейроресивер вибрирует (этот прибор обеспечивал общение на расстоянии между людьми за счет передачи информации непосредственно в нейроны мозга). Нахмурившись, она прицепила за ухо крошечный прибор, и тут же поняла, что ей звонит Алистер Кроссман, друг и коллега ее отца. Сердце неожиданно быстро заколотилось, и предчувствие беды наполнило Инну.

Это ее так удивило, что она растерялась и не ответила на звонок, а когда спохватилась, было уже поздно. Инна с минуту стояла, ожидая, что Кроссман позвонит снова, но этого не произошло. Пожав плечами, Инна принялась одеваться. Перезванивать почему-то не хотелось.

Девушка наскоро умылась, оделась и заплела волосы в тугую косу. Небольшой дом, в котором она жила вместе со своей подругой Мизуки, наполняла тишина. Инна вспомнила, что Мизуки вчера отправилась смотреть на цветение лианкии и так и не вернулась. Это было странно, но, скорее всего, она просто засиделась в парке с другими ценителями японской культуры. Наверное, беспокоиться не стоило. Но отсутствие каких-либо звуков неожиданно вызвало тревогу.

Стоило Инне выйти на улицу, как ее встретил довольно сильный холод. Лето потихоньку подходило к концу, и все чаще выдавались пасмурные дни. Посмотрев наверх, Инна увидела, что сиреневое небо начинают закрывать серые облака. Покачав головой, она встала на свой хOVERборд и поспешила к институту науки. Потраченное на сон утро уже воспринималось ею как непозволительная слабость.

Здание института находилось в пятнадцати минутах езды от ее дома, и вскоре Инна была уже на месте. Сунув хOVERборд в сумку, она быстро отправила со своего нейроресивера запрос на вход. Когда компьютер просканировал ее и убедился, что пришла именно сотрудница учреждения, а не просто какой-то левый человек, двери распахнулись, и Инна поспешила зайти.

Она не ожидала никого встретить, ведь большинство сейчас работало в своих кабинетах, а вход и выход из здания были полностью автоматизированы, однако с изумлением обнаружила Алистера Кроссмана, нервно переступающего с ноги на ногу в просторном холле. Он явно кого-то ждал. Может, ее отца?

Как бы то ни было, в голове Инны уже выстраивались новые теории по поводу квантового компьютера, и потому она не стала спрашивать, что тот здесь делает. Коротко кивнув, девушка направилась к лифту, но тут Кроссман неожиданно поспешил ей на встречу.

– Инна, я с самого утра пытаюсь до тебя дозвониться! – воскликнул он. – Почему ты не отвечаешь?

Инна притормозила и опустила голову:

– Так получилось, что я проспала. Простите, доктор Кроссман, но я пропустила целое утро работы, а потому очень спешу.

Она ожидала, что мужчина быстро объяснит ей, в чем дело, но вместо объяснения тот неожиданно нервно оглянулся и посмотрел прямо в камеру на потолке. По всему зданию института были установлены такие, чтобы исключить возможные чрезвычайные ситуации. Инна обратила внимание на то, что камера была направлена прямо на них. По ее коже пробежали мурашки.

Кроссман стал спиной к камере, так, чтобы той не был виден его рот, и быстро зашептал:
– Мне нужно с тобой поговорить, но не здесь.

Инна тяжело вздохнула. Кроссман был лучшим другом ее отца, а потому она очень хорошо его знала. В отличие от спокойного и серьезного Павла Рябинина, этот человек был чересчур эмоциональным, да к тому же склонным к не вполне уместному юмору. Инна решила, что речь идет о еще какой-то шутке, в которой ее попросят принять участие.

– Доктор Кроссман, у нас обоих много работы, – равнодушно произнесла она. – Если Вы хотите о чем-то поговорить, это можно сделать и позднее.

– Ты не понимаешь...

В этот момент легкий перезвон оповестил о прибытии на первый этаж лифта. Кроссман вздрогнул и побледнел, его губы прошептали что-то вроде «не успел». Инна неожиданно подумала, что, возможно, ей все-таки стоило послушать, что тот скажет, но было уже поздно.

Двери лифта распахнулись, и в холле появилась делегация из трех человек. Один из них, Янне Эриксон, был директором их института. Увидев его сурово сдвинутые седые брови, Инна начала лихорадочно соображать, что же она такого сделала. Да, она сегодня сильно опоздала на работу, но неужели это настолько серьезный проступок, что сам директор собрался сделать ей выговор? Эриксона редко когда интересовали мелкие правонарушения, да и вряд ли он за этим следил.

– Мисс Рябинина, – голос подошедшего седовласого мужчины был холодным, как лед. – Можно узнать, где Вы были этим утром?

Инна покраснела. Весь последний год, что она официально работала в этом институте, девушка показывала себя примерной сотрудницей, зачастую работая даже больше, чем нужно, но ее успехами никто не интересовался, поскольку работала она над проектом отца, который все считали пустой тратой времени. И вот, в первый раз в жизни Инна проспала, и тут же нарвалась на неприятности.

– Мистер Эриксон, Вам должно быть известно, что Инна живет отдельно от своего отца, – неожиданно вставил Кроссман.

Инна вскинула брови. Причем тут вообще это?

Заместитель Эриксона, Марек Новак (довольно мерзкий тип, с которым у отца Инны были натянутые отношения), ухмыляясь, заявил:

– Да, конечно, но всем известно, что доктор Рябинин много времени проводит со своей дочерью. К тому же, если верить камерам наблюдения, она была последней, кто его видел.

Одoleвавшая с утра тревога усилилась. Инна непонимающе посмотрела на Новака, ее голос неожиданно потускнел:

– Что значит «последняя, кто видел»?

Ответил ей Кроссман:

– Инна, твой отец пропал.

Сначала девушка какое-то время смотрела на него, словно не понимая слов, а потом слегка улыбнулась. Вероятно, это все-таки очередная шутка.

– Да бросьте, – отмахнулась она. – Мы же не на Земле! Население нашего города всего пятьдесят тысяч человек, да и сама площадь не так уж велика. В таких маленьких масштабах человек просто не может потеряться.

Говоря, Инна смотрела на Кроссмана, ожидая, что тот вот-вот рассмеется и скажет, что это всего лишь розыгрыш. Но его карие глаза оставались непривычно серьезными. Да и вряд

ли строгий Эриксон стал бы поддерживать такие развлечения. Инна постаралась рассуждать разумно.

– Да, я и в самом деле виделась с ним вчера вечером, – кивнула она. – Он сказал, что хочет немного поработать в одиночестве, и я ушла домой. С тех пор прошло всего полдня. Вряд ли по прошествии такого маленького срока можно с уверенностью заявить, что человек пропал. Даже если он по какой-то причине покинул город, он не мог далеко уйти. Да и что ему там делать? Мы – единственный населенный пункт на этой планете. За пределами Фориса начинаются дикие земли. Уверена, что вскоре он объявится.

Эриксон снова посмотрел на нее строгим взглядом, и Инна с трудом подавила желание съежиться.

– Мисс Рябинина, Вы всерьез полагаете, что мы настолько глупы? – в его голосе прослеживались резкие нотки. – По-вашему, мы бы стали поднимать такой переполох, если бы человек всего лишь ненадолго исчез из виду? Дело далеко не в Вашем отце, который, как я заметил, все равно не приносит особой пользы обществу. Если бы он просто пропал, я бы не стал переживать. Но он прихватил с собой вашу ловушку Пеннинга, которую вы называете квантовым изолятором.

Если раньше происходящее еще можно было воспринять серьезно, то теперь все стало настолько абсурдным, что Инна окончательно уверилась в том, что это глупая шутка. Покачив головой, она процедила сквозь зубы:

– Я не знаю, чего вы добиваетесь, но у меня нет на это времени. Вы серьезно полагаете, что я поверю, будто мой отец пропал и прихватил с собой квантовый изолятор? Квантовый изолятор размером с комнату! И большей чуши я в жизни не слышала.

Эриксон встретил ее слова ледяным молчанием. Инна разглядывала его, раздумывая, не может ли он быть голограммой, запрограммированной Кроссманом. Конечно, для такого нужен доступ к главному голопроектору, чего у того не было, но, возможно, он нашел какую-то лазейку.

– Послушайте, девушка определенно не в курсе, – вновь встрял Кроссман. – Зря Вы полагаете, что она в сговоре с отцом. Думаю, нужно показать ей, чтобы она поняла, насколько все серьезно.

Эриксон смерил его таким взглядом, как будто подозревал, что это он взорвал «Форис» более чем полтора века назад, но ничего не сказал. Потом кивнул.

Директор с заместителем направились к лифту. Инна немного задержалась. Она приблизилась к Кроссману и прошептала:

– Если я узнаю, что это Вы так развлекаетесь...

– Поверь, я серьезен, как никогда, – в его карих глазах не мелькнула ни одна искра.

Внутри Инны боролись противоречивые чувства. Ей отчаянно хотелось послать все это куда подальше и вернуться к работе, но странная тревога, окутывавшая ее с самого подъема, подсказывала ей, что происходит что-то серьезное. А что, если ее отец действительно пропал? Хоть Инна и не понимала, как такое возможно, пока что она не видела других логичных объяснений происходящему. Заходя в лифт, она случайно коснулась Эриксона и убедилась, что тот не голограмма, да к тому же их строгий босс вряд ли стал бы над ней подшучивать. Но как мог пропасть квантовый изолятор?

Выйдя на нужном этаже, они направились к лабораториям ее отца. Коридоры были заполнены встревоженно перешептывающимися учеными. Инне становилось трудно дышать, внутри живота словно сидело какое-то когтистое существо, терзавшее ее нутро. Из горла девушки то и дело грозил вырваться крик. Но она лишь сжала руки в кулаки. Не пристало ученому проявлять повышенную эмоциональность. Отец был бы ею недоволен.

Наконец, они вошли в лабораторию. Там все оставалось в точно таком же виде, как и вчера. Эриксон двинулся прямо к двери, за которой находился квантовый изолятор. Инна

хотела возразить, крикнуть, что нельзя просто так войти в комнату, но директор просто распахнул дверь настежь. Не успела Инна возмутиться, как ее сердце учащенно заколотилось. Они были правы. Квантовый изолятор исчез.

Квантовый изолятор представлял собой объемный бокс, содержимое которого требовало чрезвычайно деликатного обращения. Там была полнейшая изоляция, поддерживалась крайне низкая температура. Инна с отцом открывали бокс только в редких случаях, ведь даже наблюдение за кубитом могло привести к потере данных.

Но сейчас волноваться было не нужно. Бокс исчез. Ну и, конечно, температура в 20 миллиКельвинов вне бокса не поддерживалась. Инна поражено вбежала в комнату, где когда-то был изолятор. Ее взгляд метался из угла в угол, но теперь это было просто пустое помещение, в котором нет абсолютно ничего.

– Невозможно, – прошептала она, касаясь рукой теплой поверхности стен.

– Я же говорил, что она не в курсе, – сказал Кроссман.

Но его никто не слушал.

– Согласно камерам наблюдения, – заговорил заместитель Эриксона. – Вчера вечером, когда все остальные ученые покинули институт, Ваш отец не спешил уходить из лаборатории. Он встретился с Вами. Произошел короткий разговор, после чего Вы ушли, а он остался. Что происходило дальше, неизвестно. Происходящее было стерто из наших архивов, а утром мы получили сигнал о том, что отсутствует часть оборудования. Потом мы обнаружили пропажу изолятора. Пытались связаться с вВшим отцом, но он не отвечал. Согласно нашим данным, его нет нигде в городе. Вам известно, где он может находиться?

Происходящее напоминало какой-то кошмарный сон. Инна поверить не могла, что это реальность. Жизнь в их городе в основном была мирной, и редко происходило что-то настолько серьезное. В книгах, фильмах и сериалах, привезенных с Земли – да, но не в реальности.

У нее продолжали что-то спрашивать, но Инна не отвечала. В ее голове было пусто. Она просто не понимала, как такое произошло.

Клод Ламбер стоял у самой границы города и, прищурившись, вглядывался в густые заросли растений, начинающиеся сразу за незримой полосой, отделяющей дикие земли от Фориса. Деревья этой планеты чем-то походили на земные, во всяком случае, так писал в своем дневнике его прадед, биолог, который проводил исследования этих лесов более века назад. Насколько помнил Клод, того особенно интересовали изогнутые волной голубые столбы, покрытые кудрявыми листьями. Ему все казалось, что в них скрыто нечто большее, чем кажется.

Теперь же, когда с момента появления людей на этой планете прошло много времени, их тщательно изучили. Было установлено, что отвар из листьев соммелиса, как в последствие было названо растение, служит естественным снотворным для тех, у кого имелись трудности с засыпанием. Правда, у него имелся и побочный эффект: в некоторых случаях лекарство почему-то не действовало, вместо сна вызывая галлюцинации наяву. Но такие проявления были редкими, поэтому листья соммелиса продолжали активно использоваться в медицине.

Вот и сейчас Клода отправил на границу доктор Вебер, у которого он работал помощником. По сути, Клода и самого должны были обучать на врача, но Вебер часто использовал его в качестве мальчика-на-побегушках. И сейчас он должен был принести эти самые листья соммелиса, чтобы помочь заснуть одному из больных.

Испускаемый растением запах был приятным, напоминающим лаванду (сам Клод никогда лаванду не нюхал, но так писал в своем дневнике его прадед), но если подойти слишком близко и побыть в лесу слишком долго, можно было ощутить на себе дурманящий эффект. Голова начинала кружиться, клонило в сон, а некоторые говорили, что начинали видеть всякое

– сказывался галлюциногенный эффект. Даже сейчас Клод чувствовал, как его немного ведет вправо. Давно нужно было собрать листья и уйти. Почему он продолжал здесь стоять?

Неожиданно из глубины леса донесся лихорадочный смех. Клод недовольно нахмурился: опять эти подростки развлекаются. Возможность увидеть то, чего нет в реальности, часто привлекала сюда глупую молодежь. Официально соммелис не считался наркотиком, так как не вызывал привыкания, но Клод все равно считал, что это неправильно – ходить смотреть на несуществующие вещи, когда их город переживал тяжелые времена. Поэтому он решил прогнать их отсюда, хоть это и не входило в его обязанности.

К одному голосу присоединился другой. Клод раздвинул руками ветви и принялся пробираться по узкой тропе. От запаха кружилась голова, жутко хотелось спать, так что Клоду пришлось до боли укунить себя за руку, чтобы хоть немного взбодриться.

Минут через десять он их нашел. Их было пятеро, четверо парней и одна девушка с короткой стрижкой. Они сидели на небольшой поляне, покрытой оранжевой травой. Их зрачки были расширены, а смех доносился, наверное, до самой больницы. И почему только их никто не гоняет? Клод схватил одного из парней за плечо и встряхнул:

– Вставай!

Тот посмотрел на него мутным взглядом и недовольно пробормотал:

– Хм. Человек... это не интересно.

– Интересно вот что: знают ли ваши родители, где вы и что делаете? – Клод рывком поднял подростка на ноги.

Тот стоял нетвердо и как попало махал руками, словно пытаясь прогнать незримое видение. Клод хотел поднять и остальных, как вдруг увидел, что те смотрят прямо ему за спину широко открытыми глазами. По его коже неожиданно пробежали мурашки, внутрь закрался неприятный холодок. Клод словно почувствовал на себе чей-то взгляд. Он быстро оглянулся... и ничего не увидел.

Однако что-то вроде шестого чувства подсказывало ему, что они тут не одни.

Клод встряхнул головой. Это просто действует дурман. Нет здесь никого – планета не обитаема, уж за полтора века-то люди это выяснили наверняка. Только он собрался прогнать подростков, как те вдруг громко закричали от ужаса. Такого леденящего душу крика Клод не слышал никогда в своей жизни. Только он хотел их успокоить, как подростки бросились бежать со всех ног. Через минуту их уже и след простыл.

Клод остался один в чаще соммелиса. Парень нервно оглядывался, не понимая, что могло их так напугать, но ничего не обнаружил. Наверное, им что-то привиделось. Под ложечкой слегка засосало, и Клод почувствовал жгучее желание уйти. Быстро сорвав с ближайшего дерева несколько листьев, он поспешил убраться отсюда. Клод был готов поклясться, что, уходя, он чувствовал на себе чей-то взгляд.

Глава 2

Инну допрашивали еще около двух часов, после чего лабораторию закрыли. Пропажа отца стала для нее настоящим потрясением. Но еще большим потрясением оказалось исчезновение изолятора. Без этого бокса все их исследования совершенно бессмысленны. Когда Инне разрешили уйти, она спустилась на первый этаж, вышла из здания, подошла к одной из скамеек и застыла.

Холодный ветер дул ей прямо в лицо, но девушка не обращала внимания. Внезапно ей все показалось таким бессмысленным. Всю свою жизнь она мечтала, что ей удастся восстановить такой компьютер, который поможет им связаться с Землей. Инне очень хотелось поговорить с кем-нибудь со своей родины. За те годы, что Форис провел в изоляции, технологии их предков наверняка усовершенствовались, и они многому могли бы научить колонистов. Но теперь мечта оказалась растоптана, разорвана в клочья... И куда мог пропасть ее отец?

Инна не знала, сколько она так стояла, прежде чем двери института распахнулись, и до нее донеслись шаги. Девушка догадалась, кто идет, а потому не стала даже поворачиваться. Вместо этого она не сводила глаз с серого неба и размышляла, не пойдет ли дождь.

– Мне очень жаль, – донесся низкий и немного хриплый голос Алистера Кроссмана.

Инна резко обернулась:

– Вам жаль? Ведь Вы в этом замешаны, правда? Вы пришли ко мне еще до Эриксона, и что-то хотели сказать. Что ж, я слушаю.

Кроссман нервно взлохматил черные слегка вьющиеся волосы, оглянулся на здание института и протянул:

– Давай прогуляемся.

Инне было больше некуда спешить, так что она кивнула. Кроссман повел ее по одной из дорожек в сторону небольшого парка, располагающегося неподалеку. Народа в такую погоду там было мало, к тому же большинство сейчас находилось на работе. Деревья легко перешептывались, словно передавая друг другу сплетни, и Инна неожиданно поежилась. Ей показалось, что растения смотрят на нее, будто желая узнать, как она поведет себя теперь, когда отец и дело всей ее жизни пропали.

– Я не знаю, куда пропал твой отец, – осторожно начал Кроссман.

Инна недоверчиво посмотрела на него.

– Это правда, – заверил ее он. – Я не знал, что он собирается куда-то уйти, да как ты и сама заметила, уходить отсюда вроде как и некуда. Но перед своим исчезновением он вел себя очень странно.

Инна покачала головой:

– Мы с ним работали вместе каждый день, и я ничего такого не заметила.

– Ты не живешь с ним, а на работе слишком погружаешься в свой проект и не замечаешь ничего вокруг. А я с ним жил в одном доме. И заметил, что он стал каким-то нервным.

– В каком смысле нервным?

Кроссман пожал плечами:

– На первый взгляд ничего определенного. Просто некоторые мелочи. Постоянно оглядывался за плечо, как будто подозревал, что там кто-то стоит. Стал реже выходить из дома. Установил кучу замков на нашу дверь, все что-то бормотал о том, что никто не должен узнать, чем он занимается. Как будто в нашем городе можно что-то скрыть. Он вел себя так около месяца. А прошлым утром я обнаружил его на кухне. На нем была вчерашняя одежда, под глазами чернели круги, и сидел он с таким видом, как будто случилось нечто ужасное. Я подумал, что, может, что-то с тобой или твоей матерью, но он заверил, что все в порядке.

Взгляд Кроссмана неожиданно потускнел, а его руки как-то странно дернулись. Инна представила перед собой такого отца – потерянного, испуганного, и поняла, что этот образ пугает и ее. Павел Рябинин был одним из самых спокойных людей в городе, ничто его не могло сломить. Даже когда он разводился с ее матерью, даже когда директор института не хотел решать проект по восстановлению квантового компьютера... отец всегда сохранял поразительное спокойствие, и это помогало и остальным пережить тяжелые времена. Трудно представить, что могло произойти такого, что могло выбить его из колеи.

Тем временем Кроссман продолжал:

– Я пытался с ним поговорить, но он молчал. Ничего не ел и только смотрел в окно так, как будто около нашего дома притаился убийца. Я даже вышел на улицу проверить, но никого и ничего там не обнаружил. И тогда он сказал нечто странное. Сказал, что он был глуп и наивен, и что прогресс опасен. И что у того, что он сделал, будут последствия.

Инна сузила глаза и посмотрела на Кроссмана. Его слова звучали так глупо, что к ней опять начали закрадываться подозрения, что все это лишь шутка. Но лицо мужчины оставалось серьезным, и даже глаза не блестели.

– Я не понял, что он хотел этим сказать, и поначалу не придал этому значения, – Кроссман устало покачал головой. – Думал, что он переутомился на работе или что-то в этом роде. Но теперь, когда он пропал, я жалею о том, что не уделил его состоянию должного внимания, – его голос скатился в шепот. – Инна, твой отец был моим лучшим другом. И я не понимаю, куда он пропал, почему ничего не сказал мне.

Инна промолчала.

– Что ты собираешься теперь делать? – вздохнул Кроссман.

Инна задумалась. Весь ее привычный мир улетел в тартарары, но она не имела права сдаваться. Поэтому девушка сказала:

– Без квантового изолятора мы не можем продолжить работу. И я не думаю, что отец вдруг мог так взять и пропасть. Он где-то здесь, и его просто нужно найти.

– Мне кажется, что он ввязался в какое-то опасное дело, – заметил Кроссман. – Может, лучше оставить это дело полиции?

Инна только глаза закатила:

– Доктор Кроссман, это *Вы* мне говорите? Ваша бывшая жена работает в полиции. Думаю, Вы прекрасно знаете, что ни она, ни ее коллеги понятия не имеют, как искать людей.

– А ты, получается, большой специалист в этом? – усмехнулся друг ее отца.

– Нет, но я дочь пропавшего, мы с ним были достаточно близки, я многое о нем знаю. У меня гораздо больше шансов найти его, чем у совершенно чужих людей. К тому же я не думаю, что он далеко ушел.

Кроссман прикусил губу, его явно терзали сомнения.

– Что ж, запретить тебе искать я не могу, но призываю быть осторожной, – вздохнул он. – И если ты вдруг наткнешься на какую-нибудь опасность или странность – не стесняйся, звони мне, я помогу.

– Спасибо, – благодарно кивнула Инна. – Сначала я должна связаться с Мизуки. Я ее тоже не видела со вчерашнего дня и немного беспокоюсь. Если Вы что-то узнаете о моем отце, позвоните мне?

– Обязательно, – согласился Кроссман.

Рави глубоко вдохнул воздух полной грудью. Ледяной ветер больно обдирал его легкие. Его тело тосковало по теплой погоде. Рави в очередной раз с сожалением подумал о солнечной Индии, которую он видел только в архиве фильмов, привезенных с Земли. Некоторые из его предков были родом из этой удивительной страны. Он направился к небольшому пруду,

из которого поступала вода в оросительную систему. Внутри теплицы не удалось выявить поломку, и потому его послали проверить у самого источника.

Вокруг пруда росла невысокая трава голубоватого цвета. Вода была спокойной, лишь изредка по ней пробегала рябь, вызванная ветром. Рави приблизился к трубе, тянущейся вглубь пруда. Забор воды не проводился, поэтому систему вполне можно было разобрать на части и выяснить, где же находится поломка. Парень как раз это и собирался сделать, как вдруг до него донесся шорох.

Рави инстинктивно обернулся, но рядом с прудом никого не было. Город окутывала тишина, но сейчас она вовсе не казалась мирной.

Вновь подул ветер, и на этот раз принес дурмящий аромат соммелиса. Странно, чаша находилась совсем в другой стороне, противоположной той, откуда дул ветер. Скорее всего, кто-то неподалеку пьет отвар. Рави завернул за угол постройки, к которой прилегала оросительная система, и увидел сидящую на Земле красивую девушку с японской внешностью.

Поначалу Рави застыл, пораженный идеальными чертами ее лица и стройной фигурой, но потом обратил внимание на странности. Длинные черные волосы девушки находились в полнейшем беспорядке, ее кофточка была разорвана и лишь слегка прикрывала тело. А потом он посмотрел ей в глаза и увидел в них испуг.

Рави с самого детства привык помогать всем в своем городе, и потому даже сейчас, хотя его сердце по непонятной причине бешено заколотилось, подошел к девушке и мягко спросил:

– Ты в порядке?

Она подняла на него взгляд и задрожала. Говорить девушка не могла или не хотела, и Рави осторожно присел рядом с ней и только сейчас обратил внимание на то, что рядом с ней стояла чаша с отваром соммелиса. Вот откуда шел запах.

– Тебе кто-то навредил? – спросил Рави.

Девушка осторожно подхватила чашу, а потом неожиданно плеснула отваром ему прямо в лицо. Горячим тот не был, и небольшое количество жидкости попало прямо в рот Рави. Он невольно сглотнул и помотал головой. Потом хотел было помочь подняться странной девушке, но в этот момент все вокруг словно куда-то поплыло. Парень еще раз встряхнул головой, а когда мир снова остановился, Рави ощутил, как что-то незримо изменилось. Девушка держала его за руку, и, когда он пришел в себя, прошептала ему на ухо:

– Ты должен сходить со мной к скале. Я боюсь идти одна.

Рави удивился:

– Но на Форисе нет скал!

Девушка лишь горько усмехнулась и показала куда-то рукой. Он посмотрел в том направлении и застыл. С другой стороны города, вероятно, тоже у самой границы, высилась большая каменная скала. Но откуда она могла взяться?

– Теперь есть, – прошептала девушка и вновь задрожала.

Глава 3

На звонки Мизуки не отвечала. Инна уже начала беспокоиться. Неужели ее подруга тоже пропала? Как такое возможно, чтобы из их города пропало сразу двое? Нервничая, Инна принялась звонить всем своим знакомым, в том числе тем, что имели японские корни, и один из них все-таки дал ответ.

– Мизуки? А ты что, еще не слышала? – удивленно спросил Риота.

– Не слышала о чем? – растерялась Инна.

– Ну, как бы это сказать... Мизуки в сумасшедшем доме.

– Где? – Инна, до того расхаживающая туда-сюда по тропинке парка, замерла на месте.

– В сумасшедшем доме. Ну или во всяком случае, она была там утром. Может, ее уже и выпустили, я не знаю...

Это было за гранью понимания Инны. Конечно, Мизуки всегда была эмоциональной и чувствительной, и часто такое бывало, что даже незначительные мелочи могли погрузить ее в пучину депрессии или заставить ломать предметы. Да, ее поведение было далеким от спокойствия, но неужели настолько, чтобы попасть в сумасшедший дом?

– Что произошло? – решила уточнить Инна.

– Мы сидели в парке, любовались цветением лианкии, как наши предки когда-то любовались сакурой. Обсуждали всякое разное, вроде никаких особенных тем не затрагивали. И тут вдруг Мизуки вскочила, как будто что-то увидела, начала тыкать куда-то пальцем и твердить про «скалу». Что за скала, я так и не понял. Мы пытались ее успокоить, но она, кажется, разозлилась, и бросилась бежать. Я с еще парой ребят последовал за ней. Она добежала до самой границы, где ее и взяли дежурившие там врачи. Оказалось, что она не первая, кто видит какую-то странную скалу на границе Фориса. После того случая я ее не видел.

Для Инны то, что ее подруге привиделась какая-то там скала, не было таким уж шоком. В конце концов, они жили в одном доме. Днем Мизуки работала на заводе синтетической пищи, а вот по вечерам она часто принимала отвар соммелиса, чтобы увидеть что-нибудь этакое, а потом зарисовывала. Инна не одобряла то, что Мизуки ищет вдохновения в галлюцинациях, но было научно доказано, что соммелис совершенно безвреден и не вызывает привыкания, поэтому она решила не мешать подруге. Как видно, зря.

– Ладно, Риота, спасибо за информацию, – протянула Инна. – Схожу туда, пожалуй, узнаю, что с ней.

После чего Инна отключилась. Клиника для душевнобольных располагалась довольно далеко от парка и института, поэтому девушка взяла хOVERборд. Ветер дул ей в лицо, деревья то слабо, то сильно покачивались. Рядом с клиникой никого не было, хотя дело уже шло к вечеру. Входные двери впустили Инну без лишних расспросов, но вот дальше возникли трудности.

– Мисс, Вы к кому? – спросила длинная тощая блондинка за столиком ресепшен. Судя по ее тщательно уложенной прическе и непривычно ярким губам (на Форисе женщины обычно не красились, так как во всем требовалась экономия), она работала здесь только для того, чтобы не делать ничего важного.

– К вам вчера должна была поступить Мизуки Одзава, – сказала Инна. – Можно ли с ней увидеться?

Блондинка поморщилась, как будто ей предложили вручную поработать на огороде в теплице.

– Да, у нас такая есть, – наконец, кивнула она. – Но чтобы увидеться с пациентом, нужно разрешение от лечащего врача, а ее сейчас нет.

– Прошу Вас, пропустите меня, – принялась упрашивать Инна. – Мы с Мизуки живем вместе, она моя подруга. Мне кажется, что вы забрали ее по ошибке.

– Судя по записи в ее личном деле, она бежала к границе города, вопя что-то про скалу, и оказывала сопротивление дежурившим там санитарам, – скептически протянула блондинка. – Не думаю, что это ошибка.

– Я всего лишь имела в виду, что она имеет пристрастие к соммелису, – вежливо заметила Инна. – И эта скала, про которую она кричала, могла ей просто привидеться. Это не значит, что она сошла с ума. Когда действие отвара закончится, она наверняка снова придет в себя.

– Мисс, не знаю, кто Вы, но точно не психиатр. Неужели Вы всерьез полагаете, что доктор Селия Риччи, у которой стаж работы пятнадцать лет, не отличит человека под сонными грезами от сумасшедшего? – в голосе блондинки появились ледяные ноты.

– Нет, конечно, нет, – пробормотала Инна.

Она по-прежнему была уверена в том, что Мизуки не более ненормальная, чем обычно, но нарываться на конфликт не хотелось. К тому же про Селию Риччи в их городе слышали все. Она действительно была первоклассным специалистом в психиатрии. Наверняка доктор осмотрит Мизуки, поймет, что ошиблась в своем диагнозе и отпустит ее. А Инне остается только подождать. По крайней мере, ее подруга не пропала, как отец.

Инна собралась уже уйти, как блондинка вдруг нахмурилась:

– Подождите-ка... тут пришло срочное сообщение от дежурного врача... Ваша подруга сбежала!

Развернувшись к двери Инна замерла на месте:

– Как это сбежала? Разве это возможно?

– По идее нет, – заверила ее девушка с ресепшен. – Выход из палаты строго охраняется, а окна зарешечены. Но у нее это как-то получилось! Ее нет во всей больнице.

У Инны уже голова кругом шла. Сначала исчез ее отец, прихватив с собой квантовый изолятор, хотя в одиночку его точно не вынести, теперь Мизуки умудрилась сбежать из сумасшедшего дома так, что ее никто не заметил... Неужели у нее действительно поехала крыша?

Вспомнив о том, что Мизуки бежала к границе города, Инна решила, что та отправится туда вновь. Там, конечно, дежурили санитары, но, возможно, если она поторопится, то успеет перехватить подругу и узнать у нее, что происходит. Больше не медля, Инна выбежала на улицу.

После разговора с Инной Алистер Кроссман вернулся в институт. Там все просто стояло на ушах, и никто, похоже, даже не собирался работать. Алистеру тоже было вроде как нечего делать, потому что обычно он помогал Рябининым с их проектом, однако он не спешил присоединяться к всеобщим разговорам об этом происшествии. Собственно, Алистер редко общался с кем-то, кроме Рябининых. Мужчина зашел в свой кабинет, нашел в облачном хранилище файл со всеми исследованиями, которые он только проводил за свою жизнь, и принялся пролистывать список, надеясь найти нечто, что поможет ему отвлечься от грустных мыслей. Потом его внимание привлекла одна из первых написанных им научных работ. Тогда он еще не связывался с квантовой физикой, которая, честно говоря, и по сей день вводила его в ступор. Мужчина открыл файл и принялся читать статью, написанную много лет назад.

Но не успел Алистер как следует задуматься над ней, как дверь в его кабинет распахнулась, и он застыл. К нему только что зашла Эшли Маклейн – одна из двух детективов их небольшого города, а также его бывшая жена. Растерявшись, Алистер поспешил встать со стула, но от слишком резкого движения тот упал. Он даже не попытался поднять его.

– Эшли? – пораженно спросил он. – Что ты здесь делаешь?

Эшли, высокая стройная брюнетка с кокетливым взглядом, лениво зашла в кабинет и сморщила свой изящный нос. Алистер только сейчас обратил внимание на то, что на столе стояла немытая посуда. Вчера он засиделся допоздна и поужинал на рабочем месте, а прибраться после этого забыл.

Он поймал укоризненный взгляд бывшей жены и, усмехнувшись, сказал:

– Настоящий холостяк моет посуду перед едой.

Эшли закатила глаза.

– Я сюда пришла не для того, чтобы увидиться с тобой. Меня вызвал Эриксон, сказал, что пропал человек и важное оборудование. Ты с этим связан, а потому я хочу знать, когда ты последний раз видел Павла Рябинина, что тот делал, а также полный отчет о твоих действиях за последние сутки.

Алистер понимал, что у них давно все кончено, но тело предательски тянулось к своей бывшей половинке. Как будто под гипнозом, он сделал шаг к ней и вкрадчивым голосом начал говорить:

– Хм, дай подумать. Да, знаешь, я виделся с ним вчера вечером, и он прямо так и заявил: «Надоело мне на этом Форисе!», – Алистер сделал еще один шаг. – «Плевать, что городу грозит голодная смерть, и что одна из его жителей моя дочь. Соберу космический корабль из квантового изолятора и улечу на Землю за новыми впечатлениями», – и еще один шаг. – «Но тебя, своего лучшего друга, я с собой не возьму – останешься здесь вместе с моей дочерью и остальными жителями города. А когда все начнут задаваться вопросом, куда же я пропал, ты ничего не говори, притворяйся, что ничего не знаешь», – Алистер оказался к ней так близко, что даже почувствовал запах ее шампуня. – «Зато когда придет твоя бывшая жена и примется расспрашивать – вот ей-то ты все и расскажешь!».

Эшли недовольно скривилась. Алистер с невинным видом произнес:

– Ты мне веришь, милая? – и потянулся к ней с соблазнительной улыбкой.

Женщина оттолкнула его и покачала головой:

– Сарказм здесь не уместен! Произошло преступление, и тебе следовало бы относиться к этому серьезно.

Алистер вновь усмехнулся. Это ему-то она рассказывает о том, что все серьезно.

– В самом деле, Эшли, зачем ты здесь? – наконец, спросил он.

– Что значит зачем? Это моя работа.

– Ты знала, что я друг Рябинина, – заметил Алистер. – Знала, что, если ты возьмешься за это дело, тебе придется контактировать со мной. Ты могла бы отдать его Родригесу, но не стала. Почему?

– Алистер, ты можешь ответить мне всего на один вопрос: говорил ли тебе что-нибудь Павел Рябинин о том, что собирается сделать? Ты знал о его планах?

Эшли вела себя достаточно холодно, но Алистер хорошо ее знал. Она пришла сюда не просто так – и расследование этого исчезновения не было ее основной задачей. По правде говоря, он хорошо знал, что на самом деле детективная деятельность ни капельки ее не интересовала. Ей просто казалось, что она выглядит загадочно и сексуально, когда ходит по городу и задает людям вопросы. Хотя работы у нее было не так много.

– Нет, не знал, – грустно вздохнул Алистер. – Для меня его исчезновение такой же шок, как и для всех остальных.

Эшли сузила глаза, но сам он сохранил непроницаемое выражение лица. Алистер не доверял своей бывшей жене, и будь он начальником полицейского участка, ни за что бы ни поручил это дело ей.

– А этот, как его... квантовый изолятор. Как ученый, скажи: реально ли вынести его незаметно? – скучающим тоном спросила Эшли.

– Тебе наверняка уже сказали, что нет.

– Понятно, – казалось, она его не слышала. – Ладно, в общем-то, ты прав, я пришла сюда не только потому, что мне поручили это дело. Мне нужна твоя помощь.

– Я так и знал, – усмехнулся Алистер.

Эшли обошла стол, за которым он сидел, и приблизилась к нему вплотную. Глаза Алистера невольно устремились к вырезу в ее декольте, и он испугался, что не сможет сдержаться и набросится на нее с поцелуями. Его бывшая жена стерва, это определено. Но она *шикарная* стерва, и иногда за это он был готов простить ей все недостатки.

– Как ты знаешь, я живу рядом с парком, – она присела на краешек стола и принялась игриво наматывать прядь темных волос на палец.

– Ага, – буркнул Алистер, с трудом отрывая взгляд от ее длинных ног.

– Я вечером пошла в него погулять и увидела там Рябинина. Но он, вместо того, чтобы идти по аллее, как все гуляющие в парке, свернул с основной дороги вглубь к заброшенному фонтану. Мне стало интересно, зачем он туда идет. Фонтан-то давно не работает, и люди в том месте, как правило, не отдыхают. Я проследовала за ним и, услышав, что он с кем-то разговаривает, притаилась за деревом. Но, присмотревшись, я обнаружила, что, кроме Рябинина, у фонтана никого нет! Однако самое странное даже не это. А то, что он явно боялся. Я не слышала, что конкретно он говорил, слишком уж далеко находилась. Но его голос дрожал так, как будто ему угрожали. Но и это еще не все, – продолжала Эшли. – Ты же помнишь тот заброшенный фонтан? Он сделан в виде больших ракушек, по которым когда-то стекала вода. Когда Рябинин ушел, я подошла к фонтану поближе, думала, может, там кто-то спрятался. Тут я заметила, что в одной из ракушек лежит вот такая странная «жемчужина».

Женщина взяла небольшую сумку, небрежно поставленную на пыльный стол, еще когда она вошла, и достала из нее какой-то маленький предмет. Алистер осторожно принял его из ее рук и принялся разглядывать. Находка была сферической формы, а материал, из которой она была сделана, на ощупь оказался довольно податливым, похожим на непрозрачный силикон, – это совсем не то, из чего делают фонтаны.

– Ну, что скажешь? – с любопытством спросила Эшли.

– Я такого никогда не видел, – осторожно произнес Алистер.

– Я тоже, – выдохнула его бывшая жена. – Сможешь разобраться, как это действует и для чего служит? Если сможешь мне, то я смогу убедить Эриксона в том, что ты невиновен.

Алистер недовольно нахмурился:

– Но я и так невиновен.

Эшли лишь усмехнулась:

– Послушай, честно говоря, мне плевать и на твоего дружка, и на ваш квантовый изолятор. Что тот, что другой – они абсолютно бесполезны. И без Рябинина у нас будет на один голодный рот меньше, что, по-моему, только плюс. Но Эриксон давно на вашу компанию зуб точит. Он считает, что вы только зря используете оборудование, которое могло бы пригодиться для более важных исследований. И теперь, когда бокс исчез, он рвет и мечет. Требует, чтобы я нашла на тебя компромат! Он убежден, что ты и Инна заодно с Рябининым. Понятия не имею, где твой друг, но у тебя, мой дорогой, большие неприятности. Так что или ты мне помогаешь, и я доказываю, что ты невиновен... или готовься к последствиям.

К концу речи ее голос стал настолько ледяным, что на Алистера буквально повеяло холодом. Это его несколько отрезвило.

– А тебе-то какое дело до этого прибора? – спросил он. – Зачем тебе это?

Эшли соблазнительно улыбнулась:

– Любопытство, милый, любопытство. Ну так что, я могу на тебя рассчитывать?

Мужчина вздохнул:

– С ужасом осознаю, что у меня все-таки доброе сердце. Так и быть, рассчитывай.

Инна ехала на хOVERборде к северу города. Она еще раз позвонила Риоте, и тот сообщил ей, что в прошлый раз Мизуки бежала именно в эту сторону. У нее вовсе не было уверенности, что сбежавшая из психушки подруга снова попытается прорваться мимо дежуривших

там санитаров, однако что-то неуловимое тянуло ее туда. Наступил вечер, люди потихоньку начали покидать свои рабочие места и направляться домой, так что улицы были заполнены пешеходами и ховербордистами. Инна несколько раз чуть не столкнулась с ними, но ее это не волновало.

И вот, когда она уже выезжала на дорогу, ведущую к северной границе, ее взгляд за что-то зацепился. Инна слегка притормозила и тут заметила, что из кустов торчат две взлохмаченные головы. Прожив с кем-либо в одном доме шесть лет, ты сможешь узнать его, где угодно. Инна сошла с ховерборда, сунула аппарат в сумку, и подошла ближе к кустам. Прятавшиеся там люди зашевелились.

– Мизуки? – неуверенно спросила Инна. Эта голова ей определенно знакома, но все же трудно поверить, что ее подруга сошла с ума настолько, что прячется в кустах, как какая-нибудь земная преступница.

– Инна? – Мизуки выглянула из кустов.

– Что ты там делаешь? – пораженно спросила Инна. – Мне Риота сказал, что тебя забрали в сумасшедший дом.

– Это все неважно, – Мизуки поднялась во весь рост, и Инна сразу увидела, что одежда на ней порвана в клочья.

– Кто это? – раздался мужской голос.

– Поднимайся, Рави, это моя подруга, она нас не выдаст, – уверенно произнесла Мизуки.

Обладатель второй головы тоже встал из-за куста. Рави оказался симпатичным парнем индийской внешности и выглядел вполне прилично, если не считать того, что он все время со страхом косился в сторону границы города. Инна тоже туда посмотрела, но не обнаружила ничего, кроме пустыря, покрытого голубой травой. Где-то вдалеке виднелись заросли деревьев и столбы-трансформеры силового поля, защищающего от проникающих на планету заряженных частиц, а у самого края города несколько санитаров в медицинской форме топтались на месте и вяло переговаривались.

– Видишь? – заметив ее взгляд, спросила Мизуки.

– Санитаров? Вижу, – кивнула Инна. – Мне Риота сказал, что ты уже не первая, кто пытается сбежать с этой стороны.

– Да нет же! – раздраженно топнула ногой Мизуки. – Впрочем, так ты не поймешь, – она запустила руку в карман, достала бутылку, отвинтила крышку и плеснула жидкостью в сторону подруги.

От неожиданности та отпрыгнула в сторону. Жидкость, пахнувшая соммелисом, расплескалась по земле. Инна сложила руки на груди:

– Так и знала, что все дело в галлюцинациях. Я пыталась закрывать глаза на это твое увлечение, старалась верить людям, убеждающим, что соммелис безвреден, но больше я терпеть не намерена. Приду домой и выброшу всю эту гадость!

– Ты не понимаешь, Инна, – поспешно сказала Мизуки. – И не поймешь, если хотя бы не глотнешь.

– Я не наркоманка! – сердито воскликнула Инна.

– Соммелис – не наркотик, – покачала головой Мизуки. – Пожалуйста, просто глотни, и сразу все поймешь!

– Это правда, – принялся поддакивать Рави. – Я вот тоже глотнул – и сразу все понял. Там стоит скала – и, судя по всему, давно стоит, но мы ее никогда не замечали!

На всякий случай Инна еще раз покосилась в сторону северной границы, но там по-прежнему ничего не было. Да и как такое возможно, чтобы люди поколение за поколением жили рядом со скалой, и никогда этого не замечали? Все это глупости, а Инна слишком долго позволяла своей подруге вести себя эксцентрично. Похоже, все это время Мизуки под влиянием

соммелиса медленно теряла рассудок. Задача Инны, как ее подруги, помочь бедной девушке прийти в себя, а для этого необходимо отвести ее домой.

Инна осторожно коснулась руки Мизуки:

– Слушай, пойдем домой, там ты протрезвеешь, и если после этого по-прежнему будешь видеть скалу, то мы завтра вместе сходим и посмотрим на нее...

– Ты мне не веришь! – с отчаянием крикнула Мизуки и рванулась в сторону границы.

Инна понимала, что если санитары снова схватят Мизуки, то ее доставят в сумасшедший дом. А потому попыталась остановить ее. Но девушка с неожиданной силой отбросила Инну в сторону, и та упала на землю, ощутив резкую боль в левой руке. Кажется, она ее вывихнула. Корчась от боли, Инна смотрела, как Мизуки бежит к санитарам и легкими движениями отбрасывает их в сторону. Это было глупо, но на какую-то секунду ей вдруг действительно показалось, что подруга сейчас налетит на что-то твердое, но та бежала и бежала по пустырю, пока растерянно не остановилась. В этот момент санитары набросились на нее, и скрутили.

Инна обессиленно выдохнула. Конечно, там не было и не могло быть никакой скалы. Конечно же, нет.

Глава 4

Разумеется, Мизуки в очередной раз забрали. Пока санитары уводили ее, девушка даже не брыкалась, и только лишь повторяла: «Но она там есть». Инна пыталась уговорить их отпустить ее, твердила, что ее подруга в порядке, а скала, которую она якобы видит – всего лишь последствие передозировки отвара соммелиса, но ее никто не послушал. Пришлось смириться.

Поэтому Инна только молча проводила Мизуки взглядом. Ее рука просто адски болела, поэтому, поморщившись, она решила отправиться в больницу, и только тут поняла, что Рави продолжал стоять рядом, растерянно глядя в сторону пустыря. Так как парень не пытался удрать из города, его никто не останавливал, но Инна помнила, что тот тоже говорил, что видит эту «скалу».

– Ты в порядке? – неуверенно спросила она.

Рави покачал головой:

– Нет, я не в порядке. Мизуки просто взяла и прошла сквозь эту скалу, словно ее там нет!

– Ее там нет, – подтвердила Инна. – Скала, которую вы видите, находится только в вашем воображении.

– Нет, этого не может быть, – бормотал Рави, однако попыток броситься в ту сторону не делал.

Боль стала совсем нестерпимой, и Инна решила оставить его в покое. Все равно рано или поздно действие дурмана пройдет, и тогда все галлюцинации закончатся. Инна посмотрела на свою руку, и увидела, что она начала опухать. «Вот и умудрилась же я! – подумала Инна. – Ладно хоть, рука левая, а не правая».

Она встала на свой ховерборд и медленно поехала. К тому времени, как она добралась до больницы, звезда, освещающая эту планету, уже почти опустилась за горизонт. Едва Инна зашла в приемное отделение, как вокруг нее тут же засуетились дежурные медсестры. При помощи специального аппарата девушке просветили руку и обезболили ее анестезирующими лучами. Убедившись, что перелома нет, они немного успокоились. Похоже, все доктора были слишком заняты, поэтому ее отвели в какую-то комнатку с кушеткой и сказали ждать там.

Несмотря на то, что сегодня Инна проспала до обеда, на нее навалилась усталость. Удивляться тут нечему – сначала отец пропал, потом вся эта история с Мизуки... Девушка даже зевнула, почувствовав, что хочет спать. Еще в животе заурчало...

Наконец, дверь распахнулась, и на пороге появился парень не старше тридцати лет. Серьезные карие глаза, немного тяжеловатая нижняя челюсть, худощавое телосложение. Выглядел он странно задумчивым, но заметив Инну, тут же встряхнулся.

– К сожалению, все врачи сейчас заняты, но мне сказали, что у Вас вывих, а с этим вполне могу справиться и я, – произнес он. Его голос оказался неожиданно приятным. – Как Вас зовут?

– Инна Рябинина, – ответила девушка.

– Я интерн Клод Ламбер, – представился парень, сел за стол рядом с ней и принялся осторожно осматривать поврежденное место. – Что ж, ничего страшного, обычный вывих, сейчас вправим и наложим гипсовую повязку. Как Ваше самочувствие?

Инна вздохнула:

– Немного устала, а так ничего.

– Понятно. Не бойтесь, эффект обезболивания, которое Вам сделали при приеме, продлится еще около часа, – объяснил Клод и ловко вправил ей кость. Инна даже ничего не почувствовала.

Пока Клод накладывал ей гипсовую повязку, она размышляла о том, что же теперь будет дальше. Отец пропал, Мизуки забрали в сумасшедший дом, работы у нее больше нет...

– Что-то Вы грустны, – неожиданно подал голос Клод. – Вас что-то беспокоит?

– Да много чего, – уклончиво пробормотала Инна.

– Если хотите, можете рассказать, – предложил парень. – По крайней мере, как Вы сложили руку. Уж это-то я имею право знать – мне нужно будет отметить в Вашей истории болезни.

Сначала Инна не горела желанием посвящать в свои проблемы незнакомого человека, но было в его голосе что-то успокаивающее и надежное. К тому же, он врач, ну или будет им, возможно, он знает что-нибудь о том, какой эффект соммелис может оказывать на людей.

– Все дело в моей подруге, Мизуки, – начала Инна. – Она всегда была чересчур эмоциональной и взбалмошной, поэтому еще в детстве ей прописали пить в небольших дозах отвар соммелиса. Но так получилось, что она постепенно начинала пить больше и больше, и... ну, Вы понимаете...

– Да, понимаю, – кивнул Клод. – Смотреть галлюцинации.

– Картины, появляющиеся у нее перед глазами, она зарисовывала, – продолжила Инна. – У нас весь дом ими увешен. Довольно неплохие, нужно признать, но меня всегда тревожило это ее увлечение соммелисом. Конечно, было доказано, что он безвреден и не вызывает привыкания, и у Мизуки были периоды, когда она совершенно спокойно жила без этого отвара по несколько месяцев, но рано или поздно она все равно к нему возвращалась. Когда мы окончили школу, то стали жить вместе, и все эти годы я наблюдала, как она медленно... теряет рассудок. Я, конечно, не хочу сказать, что она сумасшедшая. Но большую часть своей жизни она проводит под сонными грезами, и у этого, само собой, есть свои последствия.

Клод закончил бинтовать ее руку, но отпускать девушку не спешил. Он нахмурился, а его глаза стали еще более серьезными.

– Мизуки – одна из тех, кто видит скалу у северной границы? – спросил он.

– Да. Я пыталась остановить ее, но она меня оттолкнула и просто побежала вперед, – покачала головой Инна. – Я упала – и вот результат.

– Да, вижу, – Клод слегка улыбнулся. – Что ж, какое-то время придется походить вот так, руку не напрягать и гипс не мочить, через неделю приходите на прием – проверим, как Ваши дела.

Инна молча кивнула. Рука не болела, все тело было как будто ватным, она даже с трудом ощущала, что двигается – однако все конечности послушно шевелились. Девушка уже собралась пойти домой, но у выхода помедлила и обернулась.

– Знаете, меня смущает один момент... Как могут разные люди видеть одну и ту же галлюцинацию? – растерянно спросила она. – Вот Вы врач. Скажите, возможны ли массовые галлюцинации?

– Я пока еще не врач, только учусь, – поправил ее Клод. – Но вряд ли даже у опытных докторов есть ответ на Ваш вопрос. На Форисе массовых галлюцинаций до недавних событий не было – ну или, во всяком случае, мне о них не известно. Но на Земле, если верить привезенной оттуда литературе, такое случалось. Научного объяснения этому нет, есть только теории. Вот одна из них. Если применить к нашему случаю, то, предполагаю, дело было так. Кто-то один под действием соммелиса увидел скалу. Сказал об этом остальным. И они поверили ему, и стали видеть ее и сами. Потом весть распространилась по всему Форису, и теперь каждый, кто подвергается воздействию этого растения, видит ее. Человеку очень легко что-то внушить. Особенно если он под сонными грезами.

Инну его слова успокоили. Она уже начинала думать, а что, если и в самом деле там есть какая-то скала, просто она по какой-то причине ее не видит... Но теперь ее сомнения развеялись. Да, конечно, Мизуки очень внушаемый человек, потому все так и случилось. Оставалось только надеяться, что, после окончания действия отвара она придет в себя.

– Спасибо. И до свидания, – Инна напоследок улыбнулась интерну и покинула комнату.

После ухода Инны Клод неожиданно поймал себя на мысли, что не может перестать думать об этом странном растении. Его смена подходила к концу, больше никаких происшествий не было, так что ему ничего другого не оставалось, кроме как предаваться мрачным мыслям. Судя по всему, дело принимало серьезный оборот. Сначала эти подростки в чаше. Но это еще ладно, они молодые и глупые, да и в принципе никому не мешают. Сидят себе среди деревьев, ловят гюки... Но вот теперь Мизуки. Судя по всему, она настолько обезумела, что навредила своей подруге, пусть даже неосознанно. Это уже непорядок.

Клод снова вспомнил о том, что его прадед очень интересовался соммелисом. В своем дневнике он описывал его биологические свойства, а также то, как он действует на разных людей. Однако Клод еще не дочитал дневник до конца. Возможно, там что-то сказано про массовые галлюцинации, и как влияет на человека прием соммелиса с самого детства.

Поэтому, едва его смена закончилась, Клод поспешил домой. Наскоро перекусив салатом из еще оставшихся у него овощей и консервированной фасоли, он взял старый планшет, на котором сохранился дневник и открыл место, где остановился вчера. Его прадед писал на французском, а Клоду не так часто приходилось пользоваться этим языком в реальной жизни, поэтому процесс чтения продвигался медленно.

«Судя по собранной информации, соммелис появился на этой планете относительно недавно.

Несомненным остается тот факт, что это растение помогает уснуть – мне и самому довелось на этой неделе его пару раз принять. Спится после этого хорошо, сон глубокий и здоровый, сны яркие и насыщенные. Даже простой запах соммелиса успокаивает души. Для нашего поселения это особенно важно, ведь всего месяц назад мы пережили крушение корабля, и нам приходится жить с мыслью, что, вероятно, мы больше никогда не вернемся на Землю. Конечно, я пока не изучил это растение как следует, но все же решил дать совет принимать отвар соммелиса тем, кто не может заснуть в эти тяжелые дни».

Дальше вновь описывалось, как влияет соммелис на сон, но все это Клод уже знал, к тому же его гораздо больше интересовал галлюциногенный эффект, который первые поселенцы обнаружили далеко не сразу, поэтому он перелистнул несколько страниц.

«Спустя два месяца применения соммелиса могу подвести итог тому, что я наблюдал. Отвар соммелиса помогает при бессоннице и успокаивает нервы – это факт. Иногда мне кажется, что только благодаря этому причудливому растению нам и удалось пережить последние месяцы. Однако недавно обнаружился один побочный эффект: некоторые люди почему-то, вместо того, чтобы уснуть, начинают видеть галлюцинации.

Такие случаи редки, но все же они имеют место быть. Пациенты неожиданно становятся беспокойными, утверждают, что за ними следят, у них начинает развиваться паранойя.

Никто понятия не имеет, с чем это связано. С этим нужно будет разобраться. А пока что стоит немного ограничить применение соммелиса».

Дальше прадед пустился в описания повседневных проблем первых колонистов на Форисе, и Клод нетерпеливо пролистал эти записи и нашел то место, где речь снова зашла о соммелисе. Это случилось аж через два года.

«Как я ни пытался предостеречь людей против соммелиса, это растение получило слишком большое распространение в нашем обществе. Запас снотворных, привезенных с Земли, заканчивается, а потому мы построили специальный завод, где изготавливаются

новые таблетки с использованием экстракта соммелиса. Галлюциногенный эффект стал проявляться все чаще, но многих это только привлекло – людей теперь из роици просто не выгнать. Я тщательно рассмотрел клетки растения. Вид их хромосом показался мне странным. Однако, исследуя химический состав, ничего угрожающего жизни я не нашел, поэтому соммелис официально был признан безопасным растением и теперь активно используется при бессоннице и стрессах».

Клод задумчиво прикусил губу. Интересно, а что бы было с ним самим, если бы он выпил этот отвар? Клод неожиданно понял, что за всю свою жизнь он ни разу его не принимал. У него не было такой бессонницы, от которой могло бы потребоваться лечение. На какое-то мгновение у Клода даже появилось желание провести эксперимент, но тут его взгляд упал на следующую строчку:

«Я не в силах никого остановить, но все же, если у вас есть голова на плечах, то ни в коем случае не применяйте это растение: я пока не могу этого доказать, но думаю, что оно опасно».

Клод был склонен ему верить. Что, если он тоже увидит галлюцинацию? Вряд ли из этого выйдет что-то хорошее.

Когда Клод закончил чтение, на улице уже стемнело. Завтра его ждал очередной тяжелый день, и разумнее всего сейчас лечь спать. Однако вместо этого парень подошел к окну и долго смотрел вдаль, пытаясь представить себе скалу, которую видят эти люди.

Глава 5

Возвращаясь домой, Инна собиралась быстро поужинать и лечь спать. Она по-прежнему не знала, где ее отец, и какая-то часть твердила о том, что нужно отправиться на его поиски, но умом девушка понимала, что ночные прогулки по городу ничего ей не дадут. Поэтому она дошла до своего дома, открыла дверь, и тут же с удивлением расширила глаза:

– Мама?

Невысокая русоволосая женщина стояла в прихожей, нервно покусывая ногти. Инна редко общалась со своей матерью с тех пор, как уехала от нее в восемнадцать лет, и при встрече с ней всегда терялась, не зная, как себя вести.

– Здравствуй, Инна, – мама быстро подошла к ней и порывисто обняла. – Я только что услышала о том, что случилось с твоим отцом. Уму непостижимо, как это он мог пропасть?

Инна пожала плечами и двинулась на кухню. Обсуждать отца ей не хотелось, во всяком случае, не с матерью. Достав из холодильника то, что осталось с завтрака, девушка принялась это доедать, не предлагая ничего незваной гостье.

– Зачем ты пришла? – спросила Инна.

– Как это зачем? – вскинула брови ее мать. – Ты моя дочь, в конце концов. Думала, что тебе нужна поддержка.

Инна отложила тарелку в сторону.

– Мне не нужна ничья поддержка.

Не добавив больше ни слова, девушка прошла мимо гостиной, потом мимо комнаты Мизуки и остановилась перед небольшим чуланом. За исключением нескольких старых вещей, о назначении которых Инна давно уже забыла, он был практически пуст. Она деловито распахнула двери и принялась прошупывать стены, на глаз определяя его размеры.

– Что ты делаешь? – спросила мама.

– Вместе с отцом пропал квантовый изолятор, – слегка нахмурилась Инна. – Мне нужен новый. Вот, думаю, не сойдется ли эта комната для постройки...

– Инна, да что ты такое говоришь! – возмутилась мать. – Твой отец пропал, ко мне сегодня приходила эта мерзкая мисс Маклейн и расспрашивала меня так, как будто я его у себя прячу!

– Это было глупо с ее стороны, – заметила Инна. – Если бы папа у кого-то и спрятался, то точно не у тебя.

– Я про то, что сейчас есть и более важные проблемы, чем этот ваш квантовый изолятор!

Инна лишь вздохнула. Обернувшись, она снова посмотрела на свою мать. Виктория Домбровская, когда-то бывшая Рябининой, никогда не проявляла интереса к науке, и всю жизнь недовольно хмурилась, когда Инна в свободное время изучала квантовую физику. Ее мать считала, что отец поступал неправильно, прививая дочери интерес к своей работе, и из-за этого у них были довольно натянутые отношения, что впоследствии передалось и самой Инне.

– А где Мизуки, дорогая? – мама смягчила свой тон.

– В сумасшедшем доме, – ответила Инна так, как будто та была в ванной.

– Где? – переспросила мама.

Инна не стала повторять, уверенная, что ее мать все слышала. Спать неожиданно расхотелось, и Инна молча проследовала в свою комнату, не обращая внимания на мать, следующую за ней тенью. Девушка запустила на планшете файл со старыми чертежами квантового изолятора и принялась их изучать.

Виктория Домбровская заметила ее сосредоточенный взгляд и поморщилась.

– Дорогая, уже почти ночь, тебе не кажется, что перед сном следует расслабиться и отдохнуть, а не грузить себе голову?

– Мама, мне некогда расслабляться, – сердито сказала Инна. – Раз отец пропал, дальше мне придется работать одной. А в таком случае на восстановление квантового компьютера уйдет гораздо больше времени, чем я думала.

Ее мать немного помолчала, растерянно осматривая просторную комнату, в которой не было ни одной лишней детали, а потом спросила:

– Скажи мне, Инна... ты знаешь, где отец?

Этот вопрос окончательно выбил девушку из колеи. Инна встала и возмутилась:

– Неужели ты всерьез полагаешь, что я его где-то прячу? Да будет тебе известно, что он мне ничего не сказал, перед тем, как исчезнуть, и для меня все произошедшее такая же загадка, как и для тебя! Но с какой стати тебе вообще интересоваться папой? По-моему, ты вполне счастлива со своим новым мужем!

Кажется, ее мать оскорбил такой тон, и та даже начала что-то выговаривать дочери, но на Инну неожиданно нахлынула злость, и она поняла, что больше не может находиться в этом доме. Так что она вновь выбежала на улицу. Уже наступила ночь, и темнота окутала их город, но Инне вовсе не было страшно. В их обществе все друг друга знали, и маньяков тут отроду не водилось, поэтому девушка вполне могла выйти ночью на улицу, ничем не рискуя. По правде говоря, в студенческие времена они с Мизуки часто совершали такие прогулки.

Но при мысли о Мизуки у Инны что-то сдавило в груди. Ее подруга находилась в сумасшедшем доме, и она ничего не могла с этим сделать. Однако Инне было ясно, что она не может просто бездействовать. Она должна найти отца, и у нее нет сил ждать утра. Поэтому она направилась к единственному месту, в котором ей могли оказать помощь.

Когда Алистер Кроссман открыл дверь и увидел Инну, стоящую на пороге, он недовольно покачал головой:

– Зачем ты пришла так поздно? Твой отец пока не появился.

Инна пожала плечами:

– Не хотелось сидеть дома.

Кроссман немного помялся, но все же отступил в сторону, чтобы Инна могла зайти.

Так как именно здесь жил до своего исчезновения ее отец, Инна бывала в этом доме не раз. Девушка быстро прошла по почти пустой прихожей в гостиную, заполненную различными приборами для исследований. Эти приборы заполняли все видимое пространство, оставляя лишь небольшую дорожку, по которой можно было пройти до дивана. Инне показалось, что после исчезновения отца бардак принял гораздо большие масштабы.

Инна с трудом пробралась к дивану и уселась на него. Кроссман остался стоять у входа.

– О твоём отце никаких новостей, – сообщил он. – Впрочем, это неудивительно, учитывая, что за дело взялась Эшли Маклейн.

– Ваша бывшая жена?

– Она самая, – Кроссман тяжело вздохнул. – Вряд ли она что-нибудь найдет. По-моему, нам только остается надеяться, что Павел объявится сам. В конце концов, куда он мог отсюда деться? Космических кораблей у нас нет, и мы единственное поселение на этой планете.

Инна качнула головой:

– Я не могу сидеть и ничего не делать. Без квантового изолятора мы не можем продолжить исследования. Я должна найти отца.

– И как ты собираешься это сделать?

– Для начала можно обыскать дом. Он мог оставить какую-нибудь записку.

Кроссман усмехнулся:

– Инна, мы не на Земле. Ты же знаешь, что в Форисе давно уже отказались от бумаги, как от способа хранения и передачи информации. В нашем доме ее нет.

Инна решительно встала и сжала руки в кулаки:

– Ну, может, и не записку, но какой-нибудь носитель с инструкцией или что-то в этом роде. В любом случае, я буду искать.

Первым делом девушка принялась медленно и тщательно осматривать каждый прибор в гостиной. К ее удивлению, Кроссман не спешил ей помогать. Он так и стоял у входа, не сводя с нее глаз, и нервно барабанил пальцами по своей ноге. Инна бросила на него подозрительный взгляд. Может, он что-то скрывает от нее? Но остановить ее мужчина не пытался, так что она продолжила поиски.

Однако делать что-то, когда на тебя так пристально смотрят, это очень неприятно. В конце концов, Инна не выдержала и обернулась. Встретившись с ним взглядом, она сказала:

– Доктор Кроссман, Вы или помогите, или поищите в другом месте. Не смотрите на меня так, это напрягает.

– А что у тебя с рукой? – невпопад спросил Кроссман.

Инна покосилась на гипсовую повязку. Действие обезболивающего уже прошло, и рука немного ныла, но больше травма ничем себя не проявляла, так что она даже успела о ней забыть.

– Упала, – пробормотала девушка. – Знаете, мне кажется, что Вы хотите что-то сказать.

Кроссман посмотрел куда-то в сторону:

– Ты очень проницательна. Должен признаться, у меня есть кое-какая информация о твоём отце. Но я не уверен, что стоит тебе об этом говорить.

Сердце Инны усиленно заколотилось, и она встала:

– Почему? Я имею право знать правду!

– Это никакая не правда, так, странный факт, я даже сам не уверен, что это не розыгрыш, – протянул мужчина. – И я, кажется, догадываюсь, какими будут твои действия после того, как ты это узнаешь. Потому и не хочу говорить.

Инна ловко перемахнула через небольшую кучу обломков и встала прямо перед Кроссманом, заглядывая ему в глаза. Потом серьезно произнесла:

– Я должна знать, куда пропал мой отец.

Мужчина вздохнул:

– Я не знаю, куда он пропал. Но есть кое-какая информация о том, что он делал перед своим исчезновением. Ко мне сегодня приходила Эшли.

И он пересказал Инне то, что ему сообщила его бывшая жена. Девушка нахмурилась. Обычно ее отец не был склонен тратить время, просто гуляя по парку.

– Вы уверены, что она Вам не врет? – спросила Инна.

– Зачем ей это? – пожал плечами Кроссман. – К тому же вещь странная, я никогда раньше таких не видел, даже на фотографиях с Земли. Это просто сплошной кусок какого-то материала, поддающегося при нажатии, но достаточно тяжелого. Я не смог разобраться, для чего он нужен.

– Можете показать?

Кроссман кивнул. Вместе они вышли в прихожую и прошли в его комнату. Там царил полнейший бардак, все столы, полки, шкафы были заставлены разного рода приборами, не оставляя места чему-либо еще. Кроссман ни капельки не смутился, шагнул к небольшому прикроватному столику и взял лежащую на ней сферу. Та и в самом деле оказалась сплошным куском загадочного материала. Инна на всякий случай поскребла ногтем всю ее поверхность, но не нашла ни одного шва, который мог бы указать на то, что это была сборка.

Какое-то время Инна задумчиво вертела сферу в руках. Материал поддавался, но не до конца, сохраняя некую упругость. В конце концов, она заключила:

– Так мы ничего не поймем. Думаю, нам нужно сходить к этому фонтану. Может, там есть что-то еще.

Кроссман застонал:

– Только не говори, что ты хочешь пойти прямо сейчас! На дворе же ночь.

– А какие у нас еще варианты? – спросила Инна.

– Можно утром сходить в институт и попытаться изучить внутренности этого шара.

– Во-первых, так мы можем невольно его повредить, а во-вторых, стоит нам только ступить на порог, как на нас тут же повесят какие-нибудь задания – без изолятора мы не можем заниматься нашим проектом, и вряд ли Эриксон разрешит нам начать все заново.

– Это опасно.

– Вы сами сказали, что мы не на Земле. В нашем городе преступников нет.

– Инна, твой отец пропал! – воскликнул Кроссман. – Мы не знаем, что с ним случилось, но он чего-то боялся. А по словам Эшли, в тот день у фонтана вообще произошло что-то непонятное. Если мы начнем его искать, то с нами может случиться то же, что и с ним. В той части парка не работает освещение, как мы там будет что-то искать?

– Я считаю, что ждать нельзя. Мы так потеряем время. Можно взять с собой фонари. Ну пожалуйста, доктор Кроссман, я не смогу уснуть, пока мы не разберемся! – и она состроила такое жалостливое лицо, что Кроссман сдался.

– Ладно, уговорила, пошли.

Конечно, Инне было жутковато идти в парк ночью. Неосвещенная часть парка казалась ей диким лесом. Но она все равно была полна решимости прояснить что-то уже сейчас.

До парка было довольно далеко, поэтому Кроссман вынес на улицу ховерборды. Инна стояла во дворе, чувствуя, как холодный воздух забирается ей под водолазку, и дрожала, одновременно морщась от боли. Кроссман с сомнением посмотрел на ее руку.

– Ты ехать-то сможешь? – спросил он.

Инна попыталась пошевелить пальцами. Рука отозвалась ноющей болью.

– Немного обезболивающего, и я буду в порядке, – заверила она.

– Я тоже как-то раз вывихнул руку, – вспомнил Кроссман. – Мне тогда сказали не напрягать ее какое-то время.

– Плевать, – отмахнулась Инна. – Если я буду ждать, пока рука заживет, с папой может случиться что-то страшное.

Инне не хотелось об этом думать. Сейчас, когда вокруг было темно, и только редкие уличные фонари дарили немного света, почему-то в голову лезли самые нехорошие мысли. Инна подняла голову вверх, но звезд видно не было – очевидно, их скрывали облака. Была только лишь пронзительная чернота. А что, если ее отец умер? От этой мысли девушка задрожала еще сильнее. Лучше подумать о чем-то другом. Инна вздохнула, разглядывая пространство высоко над головой, и тут ей в голову пришла мысль.

– А что, если он в космосе?

– В смысле? – непонимающе спросил Кроссман.

– Знаете, я всегда считала, что во вселенной должна быть еще какая-то разумная жизнь, кроме людей, – сказала Инна. – Я часто фантазировала о том, что мы не только на Землю сможем вернуться, но и свяжемся с другими цивилизациями. Может, это и произошло? Может, отец наладил контакт с кем-то, и они захотели изучить изолятор?

– Но если к нам прилетали инопланетяне, то почему мы этого не заметили?

– Потому что никому нет дела до космоса, всех беспокоит только этот зараженный урожай, – заметила Инна. – А отца с изолятором они могли телепортировать. Иначе как объяснить, что никто их не видел?

– Ты думаешь, у нас тут сериал «Звездный путь»?

– Какой уж тут путь, скорее звездное болото, из которого мы уже полтора века выбраться не можем, – пробормотала Инна. – Но почему же отец так их боялся? Мне кажется, они хотели, чтобы он сделал нечто ужасное при помощи изолятора...

Девушка покачала головой. Мысли крутились в голове, бегали, сталкиваясь друг с другом, но ни к какому решению она прийти не могла.

– Ладно, в любом случае, нам нужно в парк к тому фонтану, – сказала Инна. – Может, там мы что-нибудь сможем узнать.

И она решительно встала на хOVERборд.

Глава 6

Придя вечером на работу после тяжелого дня личного посещения некоторых больных, не лежащих в клинике, Селия Риччи ощущала себя измотанной, как никогда. И тут ей доложили, что одна из ее пациенток сбежала – правда, ее быстро вернули, ведь она вполне предсказуемо снова побежала к северной границе, но все равно. Селию тут же начала мучить совесть: все-таки она отвечала за всех несчастных в этой больнице. Женщине хотелось еще раз поговорить с пациенткой. Возможно, если она это сделает, то ей удастся узнать причины ее поведения.

Мизуки сидела на кушетке с потерянным видом. Одежда на ней по-прежнему была порвана в клочья – девушка не позволяла себя переодеть, а Селия пока что не хотела на нее давить. Лучше всего попытаться наладить дружеские отношения.

Селия медленно вошла в комнату и осторожно присела на кушетку рядом с Мизуки. Девушка на ее присутствие никак не отреагировала. Она лишь что-то тихо бормотала себе под нос и смотрела куда-то в пространство с таким видом, как будто ее все предали.

– Мизуки, – ласково произнесла Селия. – Мне сказали, что ты ненадолго нас покидала.

На долю секунды карие глаза стрельнули в сторону психиатра, но больше девушка ничем не показала, что слышит ее.

– Санитары рассказали мне, что произошло, – продолжала тем временем Селия. – Они рассказали, что ты подобралась к северной границе и побежала в сторону «скалы», которая, как ты утверждала, там расположена. Но ты пробежала сквозь скалу, не правда ли? Ты пробежала сквозь нее, и поняла, что никакой скалы там нет. Правда ведь?

Честно говоря, Селия не рассчитывала всерьез на то, что Мизуки ей что-то ответит. Та казалась погруженной в сильный транс, из которого ее ничем невозможно вытащить. Но девушка вдруг резко повернулась к ней и выпалила:

– Нет, не правда! Вы ничего не понимаете! Я не знаю, почему это видят только те, кто принимает соммелис, но никто из других не может увидеть то, что видим мы. Я действительно прошла сквозь скалу – но теперь мне начинает казаться, что образ скалы был лишь иллюзорным барьером. Потому что, пройдя через нее, я кое-где очутилась.

Селию эти слова заинтересовали. Конечно, ее первоочередной задачей было помогать больным, но иногда увиденные ими образы ее завораживали. Человеческое сознание и подсознание были удивительны, в них столько всего таилось. И каждый раз, когда Селия общалась с сумасшедшими, ей казалось, что она чуть больше начинает понимать обычных людей.

– Расскажи мне о том, что ты увидела, – попросила она.

Мизуки лишь тяжело вздохнула:

– Вы мне не поверите.

– Я верю в то, что ты что-то увидела, – осторожно произнесла Селия. – А было ли оно на самом деле, или все это лишь плод твоего воображения – мы разберемся позднее, хорошо?

Девушка пожала плечами:

– Как хотите, – потом она обхватила руками колени, ее взгляд снова устремился куда-то вдаль, и Мизуки заговорила. – Не знаю, о чем я думала, когда неслась в сторону скалы. По моему, меня просто разозлило неверие Инны, и я плохо соображала, что делаю.

– Инны? – переспросила Селия.

– Это моя подруга, мы живем вместе. Я встретила с ней у северной границы. Она пыталась убедить меня в том, что все, что я вижу – результат передозировки соммелиса или что-то в этом роде. Я не очень помню, что она тогда говорила. Я оттолкнула ее и в каком-то безумном порыве понеслась в сторону скалы. Может, я хотела демонстративно налететь на нее, чтобы все поняли, что скала там есть. Но я не налетела. Я прошла сквозь нее, и очутилась в огромном помещении, – Мизуки неожиданно пробрала дрожь страха, и она замолчала.

Селия немного подождала, рассчитывая, что девушка продолжит, но когда та этого не сделала, психиатр попросила:

– Опиши мне его.

Мизуки зажмурилась:

– Это был огромный зал, размером, как мне казалось, с целый город. Стены терялись где-то вдаль, как и потолок. В центре стояло какое-то странное сооружение, уходящее ввысь, похожее на передающую вышку. Оно все было усеяно мониторами, у которых сидели существа в свободных одеждах. Их фигуры были похожи на человеческие: две руки, две ноги, голова, но конкретные черты лица я не смогла разглядеть. Потом по всему моему телу пробежала дрожь. Откуда-то из глубины зала начали приближаться силуэты. И, по-моему, они меня заметили, и собирались подойти ко мне... Но тут меня схватили санитары и вытащили из этой скалы...

Японка открыла глаза и посмотрела на Селию:

– Знаю, что Вы скажете, что я это все придумала. Но это не так. Я знаю: все, что я видела, существует. И что в этой ситуации ужасно – так это то, что рядом с нами кто-то находится, какие-то странные существа, а мы этого даже не осознаем.

Мизуки так серьезно все это говорила... Она действительно в это верила. Селия слушала ее с внимательным видом, и одновременно мысленно пролистывала отчет дежуривших в том месте санитаров. На всякий случай они обошли тот пустырь вдоль и поперек, никто ни на что не наткнулся. Даже если предположить, что скала лишь иллюзорный барьер, то тот странный аппарат уж точно должен быть материальным – но все, кто исследовал ту область, заявили, что ничего там нет. Немного тонкой травы и рыхлая почва – вот и все, что было на севере. Такая почти пустынная земля простиралась на многие километры, и лишь потом начинались заросли лианки. Мизуки могла сколько угодно верить в то, что там находится скала. В ее собственной реальности – возможно. Но не в той, в которой жили все остальные.

– Уже поздно, – Селия покосилась на часы. – Думаю, тебе нужно немного поспать. Утром мы с тобой поговорим еще раз.

– Вы мне не поверили, – устало заключила Мизуки.

– Я верю, что ты это видела. По-моему, для начала достаточно и этого.

После этих слов Селия вышла из палаты. Женщина прошла немного по коридору и остановилась, устало привалившись к стене. Разумеется, она ни в коем случае не полагала, что увиденное Мизуки хоть частично правда. К утру девушка наверняка успокоится. Нет смысла ее держать здесь. Главное – постепенно убедить ее отказаться от соммелиса. Очевидно, что в этом конкретном случае растение приносит скорее вред, чем пользу.

Из одной из палат неожиданно донеслось пение, и Селия вздрогнула. Кто-то из пациентов не спит. Ничего необычного. В коридоре дежурил санитар, и женщина быстро шепнула ему:

– Дайте немного соммелиса этому певцу...

Санитар кивнул, и она пошла дальше. В этой больнице редко когда сохранялась тишина. Из всех углов были слышны различные звуки, и это странным образом успокаивало. Но сейчас Селия не была спокойна. Воображение рисовало внутренний зал «скалы», и женщина пыталась найти скрытый смысл в таком образе. И плюс к этому, что-то ее тревожило. Это невозможно было объяснить, но чем больше она думала о скале, тем больше казалось, что она где-то близко.

После того, как Мизуки забрали, Рави еще долго стоял у границы, сверля глазами скалу. Его нейроресивер без конца еле ощутимо вибрировал, но парень не отвечал на звонки. Странная штукавина завораживала его, казалось, он мог смотреть на нее часами.

Но вскоре на планету опустилась ночь. Небо потемнело, зажглись фонари, основная масса населения разошлась по домам. Время шло, но образ скалы никуда не пропадал. Какое-

то время Рави продолжал наблюдать за ней и за тем, как санитары, сменившие предыдущую группу, ворчали насчет того, что им приходится стоять на таком холоде.

И тут скала начала блекнуть. Поначалу Рави решил, что он просто не может разглядеть ее в темноте, но потом вспомнил, что с течением времени глаза человека должны наоборот, приспособиться. Гора продолжала бледнеть, пока не пропала совсем.

Рави не понял, что происходит, и даже сделал несколько шагов в сторону санитаров, но потом понял, что любое резкое движение с его стороны будет расценено, как признак сумасшествия. Поэтому он просто развернулся и пошел вглубь города. Рави не верил в то, что скала, привлекавшая внимание уже несколько дней, могла так просто испариться.

И он оказался прав. Прошла всего минута с ее исчезновения, как скала появилась вновь. На этот раз с южной стороны. Теперь она возвышалась именно там, и желтоватый свет фонарей поблескивал на ее шероховатой поверхности. Рави попытался вспомнить, что находится с той стороны, и нахмурился. Ну, конечно же, кладбище. Но зачем ей перемещаться к кладбищу?

Недолго думая, Рави побежал в ту сторону.

Обезболивающее, которое Инна взяла в доме Кроссмана, действовало не так долго, и к тому времени, как они добрались до парка, ее рука снова начала ныть, на этот раз еще сильнее, чем прежде. Глядя на то, как девушка морщится, Кроссман сказал:

– Не стоило нам сюда приходить.

– Это единственный способ узнать, куда пропал отец, – уверенно произнесла Инна. – Сфера у Вас?

Кроссман достал странную штуковину из поясной сумки. Они свернули с аллеи в ту часть парка, которая практически не освещалась, и включили фонари. Подул холодный ветер, и Инна в очередной раз задрожала. В голову лезли земные страшилки про нечисть, обитающую в лесах. Если честно, ей хотелось броситься бежать отсюда со всех ног, но потом она напонила себе, что ее отец, возможно, попал в беду, и никто другой ему не поможет.

Они дошли до площадки, где располагался фонтан.

– Ну и что ты собираешься с этим делать? – спросил Кроссман, протягивая ей сферу.

Инна забрала у него ее и покрутила в руках, оценивая, где она могла тут лежать. Она не знала, что хочет найти, но тут снова подул ветер, который донес до нее подозрительно знакомый аромат.

– Это соммелис? – спросила она неожиданно пересохшими губами.

– Да, – удивленно ответил Кроссман. – Очень странно, здесь он не растет.

Запах все усиливался, и Инна поначалу решила не обращать на него внимания. Но тут впереди неожиданно начало что-то появляться. Инна резко замерла, и, с трудом ловя ртом воздух, спросила:

– Вы это тоже видите?

Кроссман долго не отвечал, так что девушка даже начала беспокоиться, но потом в тишине прозвучал его глубокий голос:

– Да. Но это же...

– Скала, которую видела Мизуки, – выдохнула Инна и вновь задрожала.

Глава 7

Аромат соммелиса становился нестерпимым, и Инна неожиданно ощутила усиливающуюся сонливость. Понятное дело, что уже была глубокая ночь, и давно пора спать, но причина не в этом. Разумеется, живя в Форисе почти нереально никогда не попробовать отвар этого растения. Когда девушка сдавала экзамены, она всегда пила соммелис. И на нее это производило самый обычный эффект – она засыпала и крепко спала до самого утра.

На какое-то мгновение Инна даже подумала, что она и в самом деле уснула – иначе чем объяснить видение скалы? Но в этот момент стоявший сзади Кроссман до боли стиснул ее плечи, и она слегка встряхнулась. Скала по-прежнему была на месте, такая высокая, что ее вершина терялась где-то высоко вверху.

– Наверное, нам это кажется, – заключила Инна.

Но вот Кроссман не был так в этом уверен. Мужчина забрал у нее загадочную сферу, назначение которой они так и не смогли понять, и повертел ее в руке.

– Инна, это от нее пахнет! – воскликнул Кроссман и хотел протянуть сферу девушке, но та отшатнулась.

– Мне нельзя вдыхать это, я могу заснуть, – пробормотала она. Глаза уже слипались, и стоять на ногах становилось все труднее и труднее.

И тут что-то изменилось в атмосфере парка. Если еще пять минут назад здесь царила гробовая тишина, нарушаемая разве что легким шелестом листьев от ветра, то теперь со всех сторон начало доноситься какое-то подобие шепота. Он был тихим, приглушенным, слов было не разобрать. Убеждать себя, что все это галлюцинации, уже не было сил, к тому же соммелис никогда не оказывал на нее такого эффекта.

– Давайте уйдем, – тихо попросила она Кроссмана.

Инну уже не волновала ни сфера, ни даже пропавший отец. Ей стало так страшно, что она хотела убраться отсюда. Девушка была готова броситься бежать к выходу из парка, даже если ей придется делать это в одиночку...

И тут из ее горла вырвался крик.

Прямо перед ней откуда ни возьмись появилась очень высокая фигура в черном плаще с капюшоном. Под ним виднелось бледное лицо, похожее на человеческое, но странным образом вытянутое. Шепот доносился из его рта. Точно такие же фигуры появились по всей площадке. Они стояли и в метре от Инны, и у фонтана, заполняя чуть ли не каждый метр окружающего пространства. Девушку пробрала еще более сильная дрожь, и она вжалась спиной в Кроссмана. Тот, придерживая ее за плечи, нервно оглядывался в поисках выхода.

Но его не было.

Шепот усиливался, сотни, а может и тысячи нестройно звучащих голосов накладывались один на другой, и вскоре можно было разобрать следующие слова:

– Рябинин солгал... Рябинин солгал...

Услышав фамилию своего отца, Инна в очередной раз вздрогнула. Речь странных существ была загадочным образом искажена, голоса звучали то слишком грубо, то слишком высоко, они прокрадывались в самую глубь сознания, словно тысячи пауков, медленно ползающие к человеку.

Но, в конце концов, Инна взяла себя в руки:

– Вы знаете моего отца? Где он? Что вы с ним сделали?

Голова в капюшоне медленно наклонилась набок, то же самое сделали и остальные фигуры, заполонившие площадку.

– Рябинин солгал, – в последний раз произнесли существа и замолчали.

Наступившая тишина была абсолютной, так что Инна услышала, как колотится ее собственное сердце. Девушка хотела сказать еще хоть что-нибудь, но слова застревали в горле. Вытянутое лицо с темными глазами смотрело на нее, как будто размышляло, убить ее сразу или сначала немного помучить.

Голос подал Кроссман:

– Кто вы? Чего вы хотите?

– Рябинин солгал, – снова повторил нестройный хор голосов. – Будут последствия.

– Какие последствия? – не понимал Кроссман.

– Увидишь..., – под конец голоса снова скатились в шепот.

Несколько раз повторив это последнее слово, фигуры в плащах начали одна за другой исчезать. Пара минут, и на площадке уже никого не было. Скала какое-то время продолжала возвышаться над ними, но вскоре растворилась в воздухе, оставив после себя гнетущее впечатление.

– Пойдем отсюда, – тихо произнес Кроссман.

Инна кивнула. Мужчина крепко сжал ее руку, и они пошли по тропе к выходу из парка. Инна ничего не говорила, погруженная в мрачные мысли. Все происходящее напоминало кошмарный сон, от которого отчаянно хотелось проснуться. Но умом она понимала, что это не сон. Эти существа были настоящими. И, похоже, именно они похитили ее отца.

Кроссман тоже ничего не говорил, и тишина, окутавшая парк, а вместе с ним и город, оглушала и больно давила на уши. Какой же она была идиоткой, когда полагала, что сможет найти отца! Уже одно то, что в их в общем-то мирном поселении случилась такая беда, доказывало, что дело гораздо серьезнее, чем казалось... Но теперь, когда Инна увидела этих существ, она поняла, что ей не справиться.

Тишину нарушил неожиданный треск кустов. Инна с Кроссманом замерли на месте. На первый взгляд парк казался безлюдным. Может, эти существа не ушли насовсем? Может, кто-то остался?

– Встань позади меня, – тихо и серьезно попросил Кроссман.

Инна послушалась. Она больше не чувствовала себя храброй и решительной, как в самом начале. Все ее глупые мысли насчет самостоятельных поисков отца испарились, как дым, и девушка лишь дрожала на холодном ветру, чувствуя, что страх накрывает ее с головой.

Кроссман осторожно двинулся к ближайшему кусту. Сейчас тот сохранял неподвижность, только листочки слабо покачивались на ветру. Но шестое чувство твердило девушке, что за ним кто-то скрывается. Ей захотелось остановить Кроссмана, но она не могла пошевелиться.

Мужчина резко раздвинул ветви куста, и Инна вздрогнула, ожидая, что из-за него сейчас выпрыгнет какой-нибудь монстр. Воображение уже рисовало страшные образы, основанные в основном на фильмах ужасов. Но вместо монстра там оказался обычный человеческий парень.

Со вздохом облегчения Инна узнала Рави.

– Рави? – спросила она. – Что ты здесь делаешь?

Парень перевел испуганный взгляд с нее на Кроссмана, но потом все же сказал:

– Я увидел, что скала сдвинулась. Меня это поразило, и я решил узнать, что происходит. А тут такая жуть... «Рябинин солгал»... у меня аж волосы на голове зашевелились!

Услышав подтверждение увиденного из уст человека, который даже не был знаком с ее отцом, Инна уверилась в том, что все происходящее – правда. Если до того какая-то ее часть еще была готова поверить в то, что у них с Кроссманом просто случилась общая галлюцинация, то теперь сомнения развеялись.

– Что это было? – тем временем спрашивал Рави.

Кроссман пожал плечами:

– Я и сам не понял. Но, думаю, что можно заключить одно: мы на этой планете не одни.

Раньше по ночам Инна часто размышляла об их вынужденном одиночестве на этой маленькой планете, и о том, что другая разумная жизнь как минимум в двенадцати световых годах отсюда. Но что, если они ошибались? Что, если на планете все это время кто-то был?

Но тут Инна нахмурилась:

– Но ведь они исчезли. И скала тоже. Рави, ты где-нибудь видишь ее?

Парень растерянно огляделся и покачал головой.

– Их нет на планете, – неожиданно уверенно произнесла Инна. – Думаю, они где-то рядом, но не здесь. Они лишь только появляются тут время от времени.

– Но кто это – они? – спросил Кроссман.

– Не знаю, но точно не люди, – Инна покачала головой. – И это они похитили моего отца. Они в этом практически признались.

– И он им о чем-то солгал, – добавил Кроссман. – И теперь будут какие-то последствия.

– Знать бы еще, какие, – пробормотала Инна.

Ее родной город больше не казался ей безопасным местом. Она словно была голой и беззащитной. Инне казалось, что со всех сторон на нее смотрят зоркие глаза этих инопланетян, решающих, в какое место нанести удар.

– Лучше нам отсюда поскорее уйти, – заключил Кроссман.

– Да, Вы правы, – кивнула Инна.

– Эй, подождите! – крикнул Рави, когда они направились к своим ховербордам. – Вы просто так уйдете? После того, что увидели?

– А что мы можем сделать? – устало протянула Инна. – Эти существа ушли.

– А зачем вы сюда пришли в первую очередь? – настаивал Рави.

Инна с Кроссманом переглянулись. Они совсем забыли о сфере, которая их сюда привела. Кроссман достал странный предмет из кармана и вновь понюхал.

– Не пахнет, – нахмурился он. – Хотя я готов был поклясться, что аромат соммелиса источала именно она.

– Соммелис как-то связан с этими существами, – попытожила Инна. – Вероятно, люди, которые под его воздействием видели всякое, вовсе не галлюцинировали. Получается, Мизуки... все это время говорила правду! – пораженно выдохнула девушка.

Но потом она опустила голову.

– Все это не имеет значения, – пробормотала Инна. – Думаю, скоро наступят «последствия», о которых они говорили.

Девушка снова задрожала. Ей показалось, что она болтается в открытом космосе без скафандра, и от гибели ее отделяет всего несколько секунд. Инна не знала, где отец, и что с ним стало, но была уверена, что тот находится в большой опасности. Если он вообще жив... Она могла еще пытаться найти его, когда полагала, что тот где-то на планете, возможно даже, что по-прежнему в их городе – только прячется. Но не теперь. Все, чего ей хотелось сейчас – это забиться в какой-нибудь укромный уголок и расплакаться от бессилия. Потому что в этой ситуации она не могла сделать ничего.

Инна встала на ховерборд.

– Я здесь больше не останусь. Вы со мной? – она с надеждой посмотрела на Кроссмана.

Тот кивнул:

– Я тебя провожу.

Инна слабо улыбнулась. В такое время ей не хотелось оставаться одной.

Рука по-прежнему ныла, но по сравнению со встречей с теми существами это была такая ерунда, что Инна даже не обращала на нее внимание. Дождавшись, пока Кроссман встанет на свой ховерборд, она поехала. Наверное, ей следовало бы ощутить облегчение теперь, когда она уезжала от парка. Но очевидным был один факт: скала, в которой скрывались эти существа, не

стояла на месте. А значит, она в любой момент могла очутиться где угодно. А потому никто ни в каком месте города не оставался в безопасности. Как и она сама.

Мизуки ночью не спалось. Отвар соммелиса ей никто не предложил, да и в последнее время это лекарство совсем не оказывало нужного эффекта. Сидя на кровати, она смотрела в зарешеченное окно и гадала, когда же наступит утро. Нейроресивер у нее отобрали, часов в палате не было. Определить, который час, не представлялось возможным, и бедная девушка только и могла, что смотреть в темноту, размышляя об увиденном в той скале.

Она не знала, сколько прошло времени с ухода Селии, когда вдруг в окне появилось лицо. Мизуки вздрогнула от неожиданности, но потом узнала Рави. Парень постучал в окно, и она быстро подошла и открыла его изнутри. К сожалению, решетка не давала ей вырваться на волю, и Мизуки могла только лишь говорить.

– Рави? – спросила она. – Как ты меня нашел?

– Я уже полчаса в каждое окно стучусь, – бросил Рави. – Но не это главное. Главное, что я узнал, что то, что мы видим – не галлюцинация. Скала реальна... и она движется.

Мизуки вцепилась руками в прутья решетки:

– Что? Двигается? Как?

– Я не знаю, как она это делает, вот только прямо на моих глазах скала взяла – и как перенеслась в сторону кладбища! – Рави расширил глаза. – Я думал, что схожу с ума, но все же побежал туда. А там такое...

Он сбивчиво пересказал все, чему стал свидетелем на кладбище. Мизуки слушала его, подпрыгивая на месте – ступор, вызванный видением, уже прошел, и теперь ей снова хотелось действовать. Особенно девушку порадовало то, что Инна тоже увидела этих существ. Уж теперь-то подруга ей поверит!

– Мне нужно выбираться отсюда! – воскликнула Мизуки. – Нет времени доказывать врачам, что я не сумасшедшая.

– Но как же ты это сделаешь? – растерянно спросил Рави.

– В прошлой палате решетка была старой, и мне удалось ее расшатать, но вот эта..., – Мизуки прикусила губу.

– Я могу попробовать перекусить ее гидравлическими ножницами, – вдруг предложил Рави. – Я в каком-то из земных фильмов видел, что так делают.

– А где ты их достанешь?

– Я механик, у меня все есть, – заверил ее Рави. – Но тебе придется немного подождать. Мне нужно сходить за ними домой.

– Давай, только быстрее, пока не рассвело, – Мизуки заметила, что небо у края начало потихоньку розоветь.

Рави быстро закивал. Потом Мизуки смотрела на то, как он бежит куда-то в сторону от больницы. И вот, она снова осталась одна.

Мизуки с трудом выносила одиночество. Когда Инна целыми днями пропадала на своей работе, ей с большим трудом удавалось найти себе занятие. В конце концов, она нашла группу других людей с японскими корнями, желающих приобщиться к культуре страны, из которой были родом их предки. Тогда у Мизуки появилась компания, и они стали вместе проводить время, наблюдая за цветением лианки или собирая икебану. Но потом в ее жизнь ворвалось видение скалы, и все пошло наперекосяк.

Мизуки, как ей казалось, целую вечность мерила шагами комнату, слыша, как в соседней палате один из настоящих психов что-то стонал во сне, но Рави все-таки вернулся. С собой он принес длинную шутовину с клешнями на конце и рычагом сбоку. Мизуки тут же подбежала ближе и начала нервно подпрыгивать.

– Сейчас все будет, – уверенно произнес Рави.

Мизуки же его спокойствия не разделяла. Пока парень ходил за инструментом, на восточной стороне неба появился розовый отлив. Еще какой-нибудь час, и люди по всему городу начнут просыпаться. Если кто-нибудь заметит, что он ломает решетку на окнах сумасшедшего дома...

– Быстрее! – воскликнула Мизуки и снова вцепилась в решетку.

– Ты руки лучше убери, – посоветовал ей Рави.

Мизуки отошла от окна и снова принялась ходить по комнате туда-сюда, то и дело поглядывая на то, как идут дела. Рави перекусывал прут за прутом, без конца поднимая рычаг, торчащий сбоку, то вверх, то вниз. Инструмент работал прекрасно, и всего через несколько минут (хотя для Мизуки эти минуты показались вечностью), в окне образовался проем, в который вполне могла пролезть девушка ее размеров. Рави хотел перекусить еще пару прутьев, но Мизуки его остановила. Быстро выбравшись наружу, она с наслаждением вдохнула свежий утренний воздух.

Вот только воздух неожиданно оказался не таким уж и свежим. Мизуки сморщила нос, уловив запах гари. Рави тоже это почувствовал.

– Где-то горит? – недоуменно оглядывался он.

Гарью тянуло откуда-то со стороны рощи соммелиса. Сердце Мизуки неожиданно гулко стукнуло.

– О нет! – вскричала она. А потом, недолго думая, бросилась бежать.

Рави поспешил за ней. Вскоре они увидели на фоне ярко-лилового рассвета высокие языки пламени. В небе клубился дым, относимый ветром в их сторону, пожар было видно, наверное, с любой точки города. Мизуки бежала к чаще так, как будто от этого зависела ее жизнь. Сердце было готово выпрыгнуть из груди, легкие горели, но она не остановилась. Как не остановился и Рави, по непонятной причине решивший следовать за ней.

Когда они добежали до рощи, из горла Мизуки вырвался еще один отчаянный вопль. Роща соммелиса горела, приятный аромат, всегда царивший в этом месте, сменился гарью. Ветер раздувал огонь все больше, он перескакивал на соседние деревья.

Мизуки упала на колени и принялась рыдать так, как будто умер член ее семьи. Она сама не знала, почему так эмоционально реагирует. Возможно, дело в том, что соммелис был с ней с самого детства, и девушка практически не мыслила своей жизни без этого растения. А может, Мизуки плакала потому, что теперь ей ни за что не разгадать загадку этой скалы.

Рави присел на землю рядом с ней и ласково гладил ее по плечу, не зная, что сказать. Через какое-то время слезы высохли, и Мизуки сердито сказала:

– Это те существа, Рави. Они сожгли эту рощу, другого варианта быть не может.

Рави кивнул:

– Да, мне тоже так кажется. Но нам нужно уходить.

– Почему? – спросила Мизуки. – Ты думаешь, они где-то здесь?

– Не знаю, – огляделся Рави. – Но ты сбежала из психушки. Если тебя увидят, то решат, что это ты подожгла рощу.

Он был прав. Мизуки понятия не имела, что ей делать в такой ситуации, но оставаться здесь нельзя. Поэтому Мизуки снова бросилась бежать – на этот раз вглубь города, надеясь затеряться среди начавших пробуждаться людей. Рави молча следовал за ней...

Клод всегда спал с открытым окном, даже в холодную погоду. Свежий воздух благотворно на него влиял, успокаивал душу и помогал крепко заснуть без всяких допингов. Но сегодня утром он проснулся еще до звонка будильника, а все потому, что почувствовал запах гари. Поначалу Клод подумал, что горит его дом. Но поскольку пожарная сигнализация не сработала, он понял, что это не так.

Парень встал, быстро оделся и выбежал на улицу. Не он один оказался разбужен этим запахом. На Форисе почти не бывало гроз, и все люди следили за своими домами с большой аккуратностью, так что пожаров здесь не случалось уже около века. Жители города вышли на улицу в одних пижамах, все еще сонливые, но обеспокоенные. Пожар происходил где-то с восточной стороны. Языки пламени вздымались высоко вверх, тревожа всех, кому не спалось в этот тяжелый час.

Глядя на это непривычное зрелище, Клод нахмурился. Горело там, где располагалась роща соммелиса. Неужели кто-то ее поджег? Клод и сам приходил к выводу, что от этого растения больше вреда, чем пользы, но неужели кто-то решил проблему столь радикальным способом? Ведь все-таки бывали случаи, когда отвар соммелиса действительно помогал.

Немного подумав, Клод решил, что необходимо проверить. Возможно, он ошибся, и горит не роща, а чей-то дом, и его жильцам требуется помощь. Поэтому он взял хверборд и поехал в нужную сторону.

Все попадавшиеся ему по дороге люди тревожно переговаривались. Да, у города случались свои трудности, но чтобы пожар? Это было нечто из ряда вон выходящее, и потому многие ощутили страх. Неужели им приходит конец?

На месте пожара собралась небольшая группа спасателей, пытающихся его потушить. Ближайшие к городу деревья уже не горели, но само растение оказалось потеряно. Несколько зевак рядом что-то говорили о «жертвах», и по телу Клода пробежала дрожь. Вскоре он увидел, как из чащи на носилках выносят людей с почерневшей от ожогов кожей.

«Чертовы подростки!» – про себя подумал Клод и поспешил к пострадавшим.

– Я врач, – сообщил он спасателям, и те позволили ему осмотреть обгоревших людей.

Клод подбежал к ним, убедился, что они дышат и начал звонить главному врачу их больницы. Не успел тот поздороваться, как Клод быстро заговорил:

– Я нахожусь рядом с рощей соммелиса. Здесь пожар. Есть пострадавшие, ожоги третьей степени.

– Понятно, сейчас пришлю бригаду, – без лишних вопросов сказал врач.

Клод отключился, и тут же над городом оглушительно завывла сирена. Таумобиль, находящийся во владении больницы, уже вылетел. Скоро придут официальные врачи и увезут пострадавших. А тем временем нужно помочь глупым подросткам дожить до приезда помощи.

Холодной воды поблизости не имелось. Клод лихорадочно оглядывался, размышляя, что могло бы облегчить страдания обгоревших, и тут запустил руку в карман куртки. Как будущий врач, Клод взял за собой привычку всегда носить с собой обезболивающее – оно могло понадобиться в любой момент. Потом его взгляд упал на одного из спасателей. У этого парня все лицо было потное, и он жадно хлебал воду из бутылки. Клод быстро к нему направился.

– Мне нужна вода, – не терпящим возражений тоном сказал он и уточнил: – Это для обожженных.

– Держи, – спасатель протянул ему бутылку.

Клод принялся подходить к каждому пострадавшему и раздавать таблетки. Обезболивающее действовало быстро – все тело тут же немело, снимая последствия болевого шока. Конечно, от ожогов это не вылечит, но поможет продержаться до приезда врачей.

Вскоре таумобиль подлетел к роще и приземлился. Клод помог врачам погрузить на него раненых и сам сел туда. Пока они летели, Клод слушал разговор санитаров.

– Нет, конечно, я и сам не раз представлял, как сожгу эту рощу, но никогда не думал всерьез, что это сделаю, – говорил темноволосый мужчина лет сорока на вид. Клод встречал его пару раз. Кажется, его звали Зак. – Моей дочери всего пятнадцать, а ей уже выписали эту фигню. Думаете, удастся справиться без соммелиса?

– Но мы же не лишились наших запасов полностью, – говорил худой и тощий парень, вроде бы Никола. – Только вчера в больницу принесли свежую партию, да и к тому же почти у каждой семьи имеется небольшой запас. Просто придется экономить.

– Как вы думаете, это не связано с тем, что все больше людей, потреблявших отвар соммелиса, сходит с ума? – встрял в разговор Клод.

– А черт его знает, – пожал плечами Зак. – Да, я слышал об этих чокнутых, видевших на севере скалу. Они многим доставили хлопот, а к тому же есть еще и их близкие, которые о них переживают. Думаете, кому-то это надоело, и они решили таким образом им помочь?

– Это не исключено, – заметил Клод. – Но я не думаю, что это подходящий способ решить проблему. После этого случая люди начнут нервничать и бояться, соммелис потребует еще большего количества народа, а в неделе пути от города есть еще одна роща. Мы вполне можем собирать листья оттуда.

– А может, это подростки подожгли, – Никола кивнул на обожженных. – Насколько мне известно, они без конца там тусуются. За ними никто не следит. Кто знает, чем они там занимаются.

– С их стороны нелогично поджигать то, что дает им такое удовольствие, – заметил Зак.

– А когда это подростки бывали логичными? – вздохнул Клод. – К тому же они были под сонными грезами. Может, им привиделось что-нибудь страшное, и они таким образом пытались от него защититься.

– Ничего, – пробормотал Зак. – Вот придут они в себя, и мы у них узнаем, как все было. И черта с два я позволю своей дочери пить эту дрянь.

Машина приехала к больнице. Клод с санитарями быстро вынес ничего не чувствующих жертв пожара из машины и отнес в кабинет срочной помощи. Там уже ими занялись опытные врачи. Клод с чувством выполненного долга вышел в коридор. Только сейчас он заметил, как сильно вспотел.

Однако он далеко не успокоился. Пожар в роще его очень взволновал. Интересно, кто же все-таки ее поджег?

Глава 8

Когда Инна пришла к себе домой, она ожидала, что там ее встретит мать с упреками, но, к ее удивлению, та мирно спала в гостиной. Что ж, возможно, это и к лучшему, подумала девушка и отправилась к себе в комнату. Она чувствовала себя такой уставшей, что повалилась на кровать, даже не раздеваясь. Инна полагала, что, стоит ее голове коснуться подушки, как она тут же уснет.

Но сон не шел. Перед глазами мелькали образы странных фигур в плащах, за окном выл ветер, и девушка дрожала, чувствуя себя одинокой. Страх сильными клешнями стискивал ее сердце, ей казалось, что жить им всем осталось совсем недолго. Инна завернулась поплотнее в одеяло, надеясь хоть как-то окружить себя теплом и безопасностью, но ничто не могло ее успокоить.

Когда к утру она все-таки задремала, ей тут же приснились инопланетяне в парке. Их шепот «Рябинин солгал» пробрал ее холодом до самых костей, они приближались, сжимая кольцо. Кроссмана на этот раз рядом не оказалось. Девушка была совершенно одна, и ничего не могла поделать. Они все приближались и приближались, и тянули свои руки с длинными бледными когтистыми пальцами, вот одна из ладоней коснулась ее... и тут Инна проснулась.

С облегчением выдохнув, она посмотрела на часы и поняла, что спала всего час. Голова раскалывалась, в глаза словно песок насыпали, на сердце тяжесть, но засыпать снова ей было слишком страшно. На улице уже рассвело, наступило утро, поэтому можно встать.

Инна умылась, сменила одежду и пошла на кухню. И обнаружила, что ее мать уже встала и жарит на плите вкусно пахнущие оладьи, насвистывая себе под нос какую-то мелодию.

– О, Инна, ты уже проснулась? – едва девушка зашла в помещение, Виктория обернулась. – Я думала, ты до обеда проспишь.

– Мне не спалось, – растерянно пробормотала Инна. – Это оладьи с ягодами?

– Я помню, что ты их любила, – улыбнулась мать и тут же запнулась. – Ты же их все еще любишь?

Искушение ответить отрицательно было очень велико, но в животе у девушки заурчало, и она решила не выпендриваться. После бессонной ночи ей нужно было восстановить силы.

– Люблю, – кивнула Инна и села за небольшой стол. Ее очень сильно клонило в сон, поэтому приходилось прикладывать усилия, чтобы держать глаза открытыми.

Девушка все ждала, что мама примется поучать ее тому, как надо жить, или задавать глупые вопросы об отце, но та особо не разговаривала. Приготовив оладьи, она разложила их на тарелки и принялась есть, ничего не говоря.

Инна этому была только рада. Разговаривать с матерью не хотелось, поэтому она уделила все свое внимание оладьям. Они были такими же вкусными, как в детстве, когда они еще жили всей семьей вместе, и никто и помыслить не мог о разводе. Ягодки были кисленькие и сладкие, Инна наслаждалась этим блюдом. Сама она не очень любила готовить, и в большинстве случаев обходилась овощным салатом с консервированной фасолью или чечевицей, ну иногда варила суп или кашу, если время было, и все. Поэтому такой завтрак был для нее просто праздником.

Инна доедала последнюю оладью, когда мама все-таки решила заговорить.

– Где ты была ночью? – скорее дружелюбно, чем требовательно, спросила она.

Инне не хотелось рассказывать о том, что случилось в парке. К тому же она не была уверена, что мать ей поверит. Поэтому пожала плечами:

– Да так, к папе домой ходила.

Виктория нахмурилась:

– Так он же пропал.

– Он не один в том доме живет, – заметила Инна. – Там еще Кроссман есть...

Мать пораженно отложила вилку:

– Ты что, провела ночь с Алистером?

До Инны не сразу дошло, почему ее это так встревожило, но когда все же дошло, она рассмеялась:

– Да нет же, мам! Мы искали подсказки, куда пропал отец. Ну почему все обязательно нужно сводить к сексу?

– Ты молодая девушка, и это естественно, если ты...

– Послушай, меня волнует, куда пропал мой отец, и что же теперь делать с квантовым изолятором и всем таким прочим, – решительно заявила Инна, вставая из-за стола. – Спасибо за завтрак, все было очень вкусно, но мне пора на работу.

Мама не стала больше ничего говорить. Ну и хорошо – Инне меньше всего сейчас хотелось обсуждать свою личную жизнь. Девушка вышла на улицу, и только там поняла, что не знает, что же ей теперь делать. Пойти, как ни в чем не бывало, на работу и попросить у Эриксона какое-нибудь задание? Начать исследования по квантовому компьютеру с нуля? Предпринять еще что-нибудь для поисков отца? Единственное, в чем сейчас Инна была уверена, так это в том, что она категорически не хочет идти в парк.

Чувствуя на себе взгляд матери, Инна встала на ховерборд и выехала со двора. Добравшись до перекрестка, она остановилась. Больная рука слегка ныла, но не сильно. Инну по-прежнему пугали «последствия», которыми угрожали те инопланетяне, но пока вроде бы ничего страшного не происходило. Стоит ли ей и в самом деле идти на работу?

И тут вдруг кто-то позвал ее по имени. Инна вздрогнула и оглянулась. По улицам ходило и ездило много людей, некоторые из них выглядели встревоженными, но никто из них на девушку не смотрел. У Инны мурашки побежали по коже. Она решила, что это снова объявились те инопланетяне, и готова была уже броситься наутек, как вдруг из-за дерева выглянуло знакомое лицо.

– Мизуки, – с облегчением выдохнула Инна и подъехала к ней на ховерборде. – Ты опять сбежала?

– Ага, – нетерпеливо кивнула ее подруга. – У меня нет времени доказывать врачам, что я не сумасшедшая. Рави рассказал мне о том, что произошло в парке.

На этих словах из-за соседнего дерева выглянул Рави, улыбнулся и помахал рукой. Инна вздрогнула, вспомнив обо всем, что было, и пробормотала:

– Да уж, ничего ужаснее я в жизни не видела...

– Теперь-то ты мне веришь? – пытливо спросила Мизуки.

– Верю.

– Отлично! – на радостях девушка порывисто обняла подругу. Из одежды на ней по-прежнему были только лохмотья. – Нам нужно решить, как будем их останавливать.

– А как это сделать? – неуверенно протянула Инна. – Я же правильно понимаю, что в данный момент этой скалы нигде нет?

И тут в этот момент в глазах Мизуки заблестели слезы. Сжав руки в кулаки, она выпалила:

– Я не знаю! Кто-то сжег рощу соммелиса, а без этого растения я ничего не вижу.

– Как это сжег? – удивилась Инна.

Мизуки лишь качала головой, заливаясь слезами, поэтому ей ответил Рави:

– Мы не знаем, кто это сделал. Роща сгорела дотла. Поэтому с отварами будет туго.

До Инны внезапно дошло, почему все люди на улицах так встревожены. А потом она задумалась, не это ли те самые «последствия», о которых предупреждали инопланетяне... но как-то это слишком для них просто. Инне казалось, что если те что-то сделают, то это будет нечто более серьезное, чем сжигание соммелиса.

– Ну, на этот счет ты не переживай, – она постаралась успокоить подругу. – У нас дома листьев на месяц хватит... Вот только сейчас туда идти не стоит.

– Почему это? – спросила Мизуки.

– Там моя мать, – вздохнула Инна. – Она меня уже замучила вопросами о том, где мой отец и с кем я сплю, так что мне не хотелось бы туда возвращаться.

– Ну, вы как обычно, – усмехнулась Мизуки. – Возможно, мы могли бы пойти домой к Рави?

Парень радостно закивал:

– Конечно, я живу один. И соммелис у меня есть – но немного.

– Ладно, пошли к Рави, – согласилась Инна.

И они кустами стали пробираться к дому парня.

Эриксон находился в своем кабинете и недовольно барабанил пальцами по столу. Пропавший Рябинин до сих пор не нашелся, и директор никак не мог понять, как такое возможно, чтобы в их обществе пропал человек.

– Вы уверены, что он не в городе? – спросил он у Эшли Маклейн, которая разглядывала свои ровные овалы ногтей, присев на край стола.

– Вчера я обошла всех его друзей и близких, – лениво протянула женщина. – Его ни у кого не было. Если только вы не хотите предположить, что он скрывается у кого-то, о ком никому другому из его знакомых неизвестно. Но для того, чтобы обыскать каждый дом в этом городе, мне нужны более весомые основания.

– Пропало важное оборудование – куда уж весомее! – процедил сквозь зубы Эриксон.

– А я вам говорю, если хотите найти Рябинина, то нужно допросить Кроссмана! – встрял Марек Новак. Заместителя директора буквально трясло от ярости с той минуты, как Эшли переступила порог кабинета и заявила, что пока следствие ничего не выявило. – Они с ним дружки не разлей вода. Наверняка все это хитрый план!

– Какой план? – устало вздохнула Эшли Маклейн. У нее под глазами темнели круги, а кожа выглядела странно бледной. – Может, мне кто-нибудь объяснит, какая ему выгода красть этот ваш изолятор и пропадать вместе с ним не пойми где? Потому что, судя по тому, что я выяснила, он только и думал, что о своем проекте, а исследования мог проводить только в институте. Я лично больше склонна верить, что Рябинин не сам скрылся, а его кто-то похитил.

– Кроссман сегодня не явился на работу, а вчера он странно себя вел! – брызжа слюной, говорил Новак. – Это он во всем виноват! Допросите его!

Эшли закатила глаза:

– Да что Вы так к нему прицепились? Зачем мне его допрашивать? Я точно знаю, что он к пропаже Рябинина не причастен.

– И откуда Вы это знаете? – прищурился Эрикссон.

– Откуда? – задумчиво почесав подбородок, протянула Эшли. – Может быть, я знаю это, потому что мы провели вместе те вечер и ночь, во время которых пропал Рябинин?

– Что?! – возмутился Новак. – Так он Ваш любовник? Неудивительно, что Вы его защищаете!

Эриксон сохранял видимое спокойствие, но, когда он заговорил, в его голосе тоже слышалось недовольство:

– Мисс Маклейн, – тон был таким ледяным, что можно было получить обморожение, находясь в этот момент рядом с ним. – Если Кроссман, один из подозреваемых, Ваш любовник, то Вы не имели права братья за это расследование.

Эшли ничуть не смутилась. Широко улыбнувшись, она протянула:

– Ну, вообще-то он мне не любовник, а бывший муж. Мы давно уже не вместе, а в ту ночь просто поддались воспоминаниям о славных временах. Это не значит, что мы собираемся снова сойтись, и уж поверьте, я знаю его, как никто другой, а потому защищать не намерена.

Оба мужчины сверлили ее недовольными взглядами, но Эшли это, казалось, не волновало. Она элегантно встала со стола и в очередной раз улыбнулась:

– И если хотите знать мое мнение, то Рябинина вполне мог похитить тот, кто его ненавидит – просто чтобы вставить палки в колеса, – женщина покосилась на Новака. – Знаете, мне многое рассказали о вашей неприязни к нему, и, должна признаться, главный подозреваемый тут Вы, а вовсе не Кроссман.

– Я? – чуть не задохнулся от возмущения заместитель директора. – Да больно надо мне его похищать!

– Не знаю, не знаю, – покачала головой Эшли. – Пока что я продолжу допрос свидетелей, и сегодня обязательно загляну к Вам домой – так что готовьтесь.

После чего Эшли, покачивая бедрами, удалилась. Даже холодный и сдержанный Эриксон не смог удержаться от того, чтобы не залюбоваться ее стройной фигурой. Но потом он скрестил руки на груди:

– А ведь она права, Марек. У тебя определенно есть мотив для похищения Рябинина с его изобретением.

Новак метнул на директора недовольный взгляд, но перейти на крик, как только что с детективом, не решился.

– Неужели Вы всерьез полагаете, что это все я устроил?

– Такая вероятность существует, – отрезал Эриксон. – Но виноват ты или нет – это уж пусть мисс Маклейн решает. А пока иди. И не забудь, что у тебя сегодня гость – встретить даму, как надо.

Новак стиснул руки в кулаки, но ничего не сказал.

Глава 9

Покинув здание института, Эшли Маклейн замерла на улице, не уверенная в том, что ей следует делать дальше. Исход расследования ее ни капельки не интересовал, а на улице стояла неожиданно приятная погода. Холод немного отступил, яркая звезда в небе согревала почву под ногами, и женщине неожиданно захотелось бросить все и отправиться прогуляться. Неподалеку как раз находился парк.

Ступив на тропинку, ведущую вглубь озелененной территории, Эшли постаралась сдерживать тоскливый вздох. Да, она работала детективом, но эта профессия отнюдь не приносила ей такого удовлетворения, какое она себе представляла, когда в детстве смотрела детективные сериалы. Эшли понимала, что прошла уже половина ее жизни, ну минимум треть – а она так и не научилась получать от нее удовольствие.

Идя мимо ровного ряда деревьев, Эшли постаралась взять себя в руки. Все непременно должно было измениться к лучшему, вот только приходилось так долго ждать этого улучшения... Мимо нее проехал какой-то подросток на хOVERборде с сэндвичем в руке. Как он умудрялся одновременно ехать и есть? В животе у женщины заурчало, и она вспомнила о том, что дома у нее не было никакой еды. Нужно перекусить.

К счастью, как раз в парке располагалось небольшое кафе. Меню там не очень разнообразное, но в настоящее время заведения общественного питания не могли похвастаться оригинальностью – многие продукты были в дефиците. Так что Эшли завернула внутрь. Большинство столиков оказалось свободным, и она присела у окна. Ей не требовалось меню, она сразу заказала себе черную фасоль с чили, а пока блюдо готовили, вспоминала, сколько важных событий произошло для нее в этом кафе.

Во-первых, именно сюда они с Алистером ходили на первое свидание. Тогда она еще была настолько глупа, что полагала, что сможет быть с ним счастливой. Смеялась, как идиотка, над его пресными шутками, и всерьез полагала, что сможет провести с ним всю жизнь. Но совсем скоро после вступления в брак ей стало тоскливо. Да, Алистер относился к ней, как к королеве, но ей было этого мало. Она не хотела провести всю жизнь с кем-то настолько... неинтересным, что ли. Разумеется, то, что дело не в мужчине, а в месте, в котором она живет, до нее дошло далеко не сразу. А когда дошло, они были уже несколько лет, как в разводе.

После этого она начала тайком следить за Алистером. Как детектив, она умела вести слежку так, чтобы ее не заметили. Честно говоря, Эшли тешила надежду на то, что он так мучился в разлуке с ней, что с радостью примет ее обратно. Однако решительно заявляться назад не спешила. Сначала понаблюдала за ним. И оказалось, что Алистер не очень-то и грустил. Он бодро шагал на работу и с работы, насвистывая мелодии из примитивной попсы двадцать первого века, продолжал есть в кафе, где у них было первое свидание так, как будто никакие болезненные воспоминания его не мучили. Эшли даже полагала, что у него появилась другая. Но все оказалось куда проще. У Алистера появился друг.

Не то что бы раньше он ни с кем не дружил. Но все эти люди не производили впечатление тех, кто был достаточно близок для него. Однако теперь... С работы и на работу Алистер ходил с высоким блондином, лицо которого не выражало ни малейшей эмоции. Разговаривал тот всегда так, как будто читал научный доклад, предварительно выученный наизусть, никогда не улыбался и не хмурился, не повышал голоса и не шептал, одевался всегда аккуратно, как будто каждый день проходил собеседование на работу. Руки этого мужчины двигались точно и четко, а еду в тарелке он резал так, как будто проводил хирургическую операцию. В общем, странный блондин был полной противоположностью эмоциональному и очень живому Алистеру. Собственно, это и было то самое «во-вторых» – важное событие, произошедшее в кафе.

Именно здесь чаще всего Эшли следила за тем, как протекает жизнь Алистера, ведь в институт без пропуска она зайти не могла.

И, как ни странно, похоже, что именно этот человек заставлял Алистера улыбаться. Кроссман вел оживленные беседы (разумеется, оживленные только с его стороны), ходил с ним всюду, при этом не хмурясь и не обижаясь на подчеркнутое равнодушие своего друга. Один раз Эшли как бы случайно прошла мимо их столика в кафе, надеясь подслушать, о чем они разговаривают – сплошные научные термины. Ей стало обидно – похоже, что Алистер был счастлив и без нее. Детектив разузнала все, что могла, об этом странном человеке. Этот блондин – доктор Павел Рябинин, ученый с преимущественно русскими корнями, хотя и не чистокровный представитель этого народа, но таких у них в городе и не было. Несмотря на его внешнюю холодность и равнодушие, он оказался женатым человеком, у которого даже имелась дочь. Эшли долго недоумевала, выяснив эту информацию – в Рябинине даже эмоций никаких не было, что уж тут говорить про страсть.

Так она и поняла, что благодаря новому другу Алистер смог пережить развод с ней, и вряд ли обрадуется, вновь увидев ее в своей жизни. И оставила бывшего мужа в покое на какое-то время, хотя иногда продолжала приходить в это кафе, чтобы за ним проследить. Но так было до недавнего времени, когда ей подвернулась неожиданная возможность...

Закончив трапезу, Эшли решила вернуться к институту. Ей хотелось больше узнать о некоторых людях, работающих там – в частности, о Мареке Новаке, который за что-то люто ненавидел как Кроссмана, так и Рябинина. Однако не успела она выйти из кафе, как ей позвонили. Это был начальник полицейского участка. Выслушав его, детектив пораженно замерла на пороге. Оказалось, что во время обеда произошло массовое отравление сотрудников НИИ. И весь институт закрыли на карантин, а потому никто не может туда войти. А также никто не мог выйти.

Да, такого она точно не ожидала.

Дом Рави находился недалеко от центра, затерянный среди других таких же однотипных зданий. Небольшая постройка, покрашенная блекло-зеленым цветом. Едва Инна, Мизуки и сам Рави зашли туда, они с облегчением выдохнули. На улице сегодня было ясно, и лучи звезды прорывались в помещение. Рави проводил девушек в гостиную, где они уселись на простеньком диванчике, поджав под себя ноги.

– Рави, у тебя нет какой-нибудь лишней рубашки, что ли? – недовольно косясь на подругу, спросила Инна.

– Не собираюсь я носить мужские рубашки! – возмущенно воскликнула Мизуки.

– Уж лучше в мужской рубашке, чем полуголой.

– Какая же ты ханжа, – процедила девушка. – Ну ладно, Рави, принеси что-нибудь.

Парень поспешно вышел из комнаты и вскоре вернулся с охапкой рубашек. Мизуки не стала ничего выбирать, только взяла первую попавшуюся и поспешно накинула на плечи. Вздохнув, Рави присел на кресло, стоящее напротив дивана, и спросил:

– Какие наши дальнейшие действия?

Инна молчала. Мысли разбегались в страхе, который до сих пор владел ее телом. Ей по-прежнему хотелось найти отца, но она понимала, что, если для этого придется контактировать с теми существами, она просто не сможет. Девушка слишком сильно боялась, и она не была готова к тому, чтобы столкнуться с реальными последствиями.

– Мне нужен отвар соммелиса, – решительно заявила Мизуки. – И тебе. Инна, может, присоединишься к нам и тоже выпьешь?

Но та лишь покачала головой:

– На меня соммелис никогда не действовал так, как на тебя. Да я еще сегодня и не спала всю ночь. Боюсь, что отключусь, стоит мне только сделать глоток.

– Ну ладно тогда, – не стала спорить ее подруга.

Какое-то время ушло на приготовление отвара. Мизуки вместе с Рави около получаса варили листья на плите, после чего процеживали получившуюся жидкость. От нее исходил дурманящий аромат и, чтобы избежать нежелательных последствий, Инна ушла из кухни. Вернувшись в гостиную, девушка не спешила присаживаться, и стала медленно бродить по комнате.

У Рави дома не было совершенно ничего интересного. Блеклые однородные стены, диван с креслом, пыльный ковер на полу, маленький столик с пустым кувшином, в углу валялся чемодан с инструментами. Обычный механик, каких в их городе полно. Не зная, куда себя деть, она подошла к окну и лениво скользнула взглядом по шторам. И тут ее нейроресивер завибрировал. Звонил Кроссман.

– Алло? – ответила она.

– Инна? – в голосе Кроссмана слышалось беспокойство. – Ты жива? Ты где?

– Жива, конечно, – пожалала плечами Инна. – Я... я дома у одного друга. А что?

Кроссман с облегчением выдохнул:

– Это хорошо. А то я уж испугался, что ты в институте.

– А что, там так страшно? – непонимающе спросила Инна.

– Еще бы, – поспешно принялся объяснять мужчина. – Я тоже туда сегодня не пошел, и только что мне позвонила Эшли. Сказала, что после обеденного перерыва многие сотрудники чем-то отравились, после чего институт закрыли на карантин и вызвали полицию для охраны входа. Все люди в панике, они не могут не войти, не выйти. Говорят, что кто-то уже умер, но наверняка мне неизвестно.

Инна окаменела, услышав это. Ей неожиданно показалось, что мир рассыпается прямо у нее под ногами.

– Инна, ты меня слышишь? – встревоженно спросил Кроссман.

– Слышу, – выдохнула она. – Просто... это какой-то кошмар – то, что происходит в последнее время... Доктор Кроссман... как Вы думаете... это они сделали?

– Ты имеешь в виду наших знакомых с другой планеты? Не знаю... Они, конечно, говорили про какие-то последствия, но ведь отравиться можно и просто некачественной едой... вовсе не обязательно, что все это связано...

– А про пожар в роце соммелиса Вы слышали?

– Слышал. Вот это уже больше на них похоже, но я не уверен...

Инна неожиданно задрожала всем телом. Девушка опустила на пол, как будто надеялась, что так ее никто не заметит, и пробормотала:

– Мне страшно...

– Может, мне к тебе приехать? – предложил Кроссман.

Инна встряхнула головой:

– Нет, не нужно. Спасибо, что сообщили, но мне пора идти.

– Хорошо. Будь осторожна.

– Вы тоже.

Голова шла кругом, не то от новостей, не то от пробившегося в гостиную запаха соммелиса. Руки тряслись, взгляд потерянно блуждал по гостиной. Ей даже неожиданно показалось, что стены начинают сжиматься, но тут раздался голос Мизуки:

– Ты чего это на полу сидишь?

Инна поспешила подняться.

– Звонил Кроссман, – сообщила она. – Сказал, что в институте ЧП, и его закрыли на карантин. Там после обеденного произошло массовое отравление.

Мизуки присвистнула:

– А эти бледнолицые слов на ветер не бросают.

– Ты тоже думаешь, что это они устроили?

– Ясное дело, а кто же еще? Видать, твой папочка сильно им насолил, раз они такое творят.

– Но какой смысл выводить из строя институт? – непонимающе качала головой Инна.

– Ну, тут-то как раз все понятно, – уверенно произнесла Мизуки. – Ученые – единственные люди в этом городке, которые могли бы что-нибудь узнать о них. А теперь они слишком заняты отравлением, и капюшоны могут творить, что хотят. И это еще только цветочки.

Мизуки подошла к окну.

– Как ты думаешь, мне безопасно выйти на улицу?

Инна скептически посмотрела на подругу. Рваную одежду Мизуки сменила на простые мужские рубашку и брюки. Нужно, признать, они смотрелись на ней даже немного стильно. Черные, слегка взлохмаченные волосы спадали по плечам на спину, а карие глаза возбужденно блеснули. Вроде на сумасшедшую она не походила.

– Наверное, да, – кивнула Инна.

Переглянувшись, они вышли на порог. Погода, как ни странно, медленно улучшалась. Ветерок, дувший в лицо, уже не был таким холодным, а небо сохраняло ясность. Наступил день, и большинство жителей города было занято на своих работах, поэтому народа на улице оставалось совсем немного. Подруги отошли немного в сторону от дома Рави и принялись оглядываться.

– Видишь что-нибудь? – спросила Инна.

– Неа, – качнула головой Мизуки. – Этой заразы нигде не видно: ни на севере, ни на юге, ни в каком другом месте.

– Может, они решили уйти? – предположила Инна.

– Ты сама-то в это веришь?

– Если честно, нет, – признала она. – Скорее всего, они затаились перед тем, как нанести следующий удар.

Тем временем Мизуки медленно поворачивалась по кругу, продолжая вглядываться в горизонт. Инна все это время была немного напряжена. Почему-то ей не нравилось стоять на открытой местности. Девушка ощущала себя мишенью, в которую целятся пушки с невидимого корабля, висящего где-нибудь на орбите планеты.

– Нет, ничего, – с легким сожалением вздохнула японка. – Полагаю, нам просто придется подождать их следующего шага.

Инна была вынуждена с ней согласиться.

Мизуки сидела на пороге и смотрела по сторонам, в то время как Инна нервно шагала туда-сюда по комнате. Бездействие ей не нравилось, а особенно не нравилось то, что они ждали катастрофы. Потому что инопланетяне вряд ли просто пытались их запугать. Они собирались предпринять какие-нибудь решительные действия. Инну это пугало. Так пугало, что рука в гипсе снова принялась ныть.

– У меня от тебя уже в глазах рябит, – простонала Мизуки, когда, повернув, голову, вновь обнаружила, что ее подруга не сидит на месте. – Что ты так нервничаешь?

– Вопрос не в том, почему я нервничаю. А в том, почему ты – нет, – пробурчала Инна.

– Поверь, я тоже нервничаю, и боюсь, и переживаю. Но нужно постараться взять себя в руки. Эта скала рано или поздно обьявится, нужно просто иметь терпение.

– Ты, конечно, права. Но у меня нет терпения, – вздохнула Инна.

– Тоже мне, ученый, – фыркнула Мизуки. – Как же ты тогда занимаешься своим квантовым компьютером? Это же тоже дело не одного дня.

– Это другое. Это вроде как цель, мечта или что-то в этом роде, и мне хочется не просто ее достичь, а почувствовать каждое мгновение пути, который мне приходится совершать, –

Инна задумчиво посмотрела куда-то в пространство. – Но сейчас все не так. Я не хочу чувствовать каждую секунду страха, который меня сдает. Я хочу поскорее покончить со всем этим, вернуть моего отца и снова заняться делом. Именно поэтому ожидание для меня невыносимо. Я не могу сидеть без дела.

Мизуки в очередной раз окинула взглядом город или, по крайней мере, ту часть, которая была ей видна с этого ракурса, и грустно вздохнула. Скала не появлялась. Инна вновь принялась мерить шагами комнату, и ее подруга поморщилась.

– Нет, так дело не пойдет, – процедила сквозь зубы Мизуки. – Нужно придумать тебе занятие.

– Какое? Я отказываюсь пить твой отвар. А больше тут делать нечего. И вообще, как ты можешь оставаться такой спокойной? – поразила Инна.

Мизуки только пожала плечами. Ее какое-то странно умиротворенное лицо действовало на нервы, и вскоре Инне захотелось с жутким воем броситься на стену. Конечно, она этого не сделала, но это послужило сигналом о том, что она близка к потере рассудка.

– Знаешь, я поеду к Кроссману, – решила она.

– Зачем? – вскинула брови Мизуки.

– Он живет в том же доме, что и мой отец. Мне все не перестает казаться, что там есть какая-то зацепка, намек на то, что случилось с папой. Прошлой ночью я уже пыталась что-нибудь найти, но он отвлек меня этой странной сферой. Думаю, нужно поискать еще раз, а может, стоит получше изучить тот предмет. В его доме полно полезного оборудования.

– Не то что бы я была против того, чтобы ты чем-то занялась, но дом твоего отца далеко от дома Рави, – заметила Мизуки. – А мой нейроресивер остался в клинике. Если вдруг скала объявится, я не смогу с тобой связаться, и у меня точно не будет времени на то, чтобы идти к тебе пешком или даже на хOVERборде.

Инна признала, что она права, но одна лишь мысль о том, что ей придется провести в мучительном ожидании еще какое-то время, вызывала желание кричать. Да и ее отец бы точно не одобрил бездействия. Он с детства приучал ее к тому, что человек всегда должен быть занят делом, и она это твердо усвоила.

– Мы можем связываться через Рави, – предложила Инна.

– Он под сонными грезами и мало что сообщает.

– Ну, если тебе так нужно будет со мной связаться, я думаю, что ты найдешь способ уговорить его позвонить, – решительно сказала Инна. – Прости, Мизуки. Мне и самой не хочется бросать тебя в этой ситуации одну, но эта скала может появиться еще не скоро. Нехорошо тратить время. Возможно, от этого будет зависеть жизнь моего отца.

Немного подумав, Мизуки кивнула. Встав на ноги, она позволила подруге выйти из дома.

На небо снова набежали облака, и его сиреневый цвет сменился серо-сиреневым. Такой оттенок всегда почему-то наводил на нехорошие мысли о болезни или еще какой-то беде. Инна поежилась под холодным ветром, достала из сумки свой хOVERборд и встала на него. Дорога до нужного дома даже на достаточно высокой скорости заняла некоторое время. Однако на этот раз мысли Инны были сосредоточены на управлении транспортным средством, поэтому она смогла сконцентрироваться и не дать воли эмоциям. Когда она добралась, перед тем, как отправить запрос на вход, Инна напоследок окинула взглядом город. Скалы не было видно, но ей не верилось, что все закончится так просто.

Кроссман удивился, вновь обнаружив ее у себя на пороге.

– Видишь ли, я тут не один, – нехотя протянул он.

– А кто с Вами? – спросила Инна.

И тут в коридоре появилась женщина. Увидев ее, Инна пораженно открыла рот. Честно говоря, она еще никогда в жизни не видела такой красавицы, ну разве что в земных фильмах

и сериалах. Высокая, стройная, с густыми темными волосами, идеальным овальным лицом с пухлыми губами, слегка подкрашенными красным цветом.

– Моя бывшая жена, – выдохнул Кроссман.

– Детектив Эшли Маклейн, – представилась женщина. – А Вы, я так понимаю, Инна, дочь того самого доктора Рябинина, чье исчезновение озадачило весь Форис.

Инна кивнула. Она все еще не могла прийти в себя от ее внешности. Почему он с ней развелся, если она так прекрасна?

Видимо, заметив на ее лице восхищение, Кроссман сказал:

– Инна, пусть тебя не обманывает внешность. Да, Эшли шикарная женщина, но в глубине души она жуткая стерва.

– Значит, так ты меня благодаришь за то, что я тебе помогаю? – обиженно надула губы Маклейн, но ее взгляд оставался сосредоточенным. Инна неожиданно подумала, что с ней нужно держать ухо востро.

– Зачем ты пришла? – Кроссман вновь повернулся к девушке.

– Я...

– Очень хорошо, что пришла, – перебила ее Маклейн. – Я поговорила уже со всеми по поводу этого дела, кроме Вас. А ведь, насколько известно, именно Вы последняя, кто видел Рябинина.

Инна лишь вздохнула. Она раньше никогда не встречалась с этой женщиной, но не слышала рассказы Кроссмана о том, что та не очень надежный человек. Как-то слабо верилось в то, что Маклейн и в самом деле действительно сможет найти ее отца, а потому тратить время на разговоры ей не хотелось.

– Вообще-то я хотела еще раз обыскать дом, – заметила Инна. – Мне кажется, что мы могли что-нибудь упустить.

– Отлично, я с вами! – воскликнула Маклейн.

Но Кроссман нахмурился:

– Эшли, насколько я знаю, у тебя нет ордера на обыск. Поэтому я бы не хотел, чтобы ты копалась в моих вещах.

– Мне нельзя, а ей – можно? – возмутилась Маклейн.

– Она дочь Паши. Да, ей можно, – сердито заявил Кроссман.

Маклейн только лениво пожала плечами и удалилась в гостиную. Инна поспешно прошептала:

– Доктор Кроссман, зачем она здесь?

– Ей просто скучно, – предположил мужчина. – Я так думаю. А в городе происходит что-то странное, и оно связано со мной, вот она и пришла сюда. По правде говоря, мне кажется, тебе не следует здесь находиться. Даже если ты и найдешь какую-нибудь весточку от отца, ей лучше об этом не знать. А теперь она будет за тобой следить, – и он покосился на дверь гостиной.

Инна тоже посмотрела в сторону оставшегося открытым проема, и заметила падающую из него человеческую тень. Маклейн стояла где-то рядом и подслушивала, о чем они говорили. Девушка покачала головой:

– Как все это некстати.

Они с Кроссманом тоже зашли в гостиную. Маклейн, как ни в чем ни бывало, стояла у стены и вертела в своих изящных пальцах один из приборов. Заметив их, она игриво улыбнулась:

– Ну что, будем искать? А пока Инна расскажет мне, о чем они с отцом говорили в их последнюю встречу.

Инна лишь отмахнулась:

– Да ни о чем особенном. Он сказал, что ему нужно работать, и работать одному, после чего я ушла домой. Все.

– Как скучно, – поморщилась Маклейн. – Уверена, что ты можешь сказать больше. Может, ты заметила какие-то странности в его поведении...

Но Инна уже ее не слушала. Она вновь, как и прошлой ночью, принялась перебирать предметы, лежащие на всех доступных поверхностях, стараясь находиться спиной к детективу. По правде говоря, она не думала, что найдет что-то конкретно в этом помещении. Намного разумнее, на ее взгляд, поискать в самой комнате отца, но там могли быть его личные вещи, и ей не хотелось, чтобы Маклейн последовала за ней. Инна надеялась, что ее монотонные действия наскучат детективу, которая явно пыталась развлечь себя, и та уйдет.

Как и вчера, Кроссман не участвовал в поисках, и вскоре под взглядом двух людей Инна начала ощущать себя неловко. Она даже хотела все-таки отправиться в комнату отца, как вдруг ощутила нечто странное. Ей показалось, что пол качается.

Поначалу девушка решила, что ей кажется. Пока она рылась, ее вывихнутая рука вновь разболелась, а от усталости немного кружилась голова. Это вполне могло вызвать неприятные ощущения. Но потом качание усилилось. И, судя по встревоженным взглядам Кроссмана и Маклейн, они тоже это чувствовали.

Инна замерла на месте, не зная, что все это значит. Вскоре качался уже не только пол, но и весь дом – предметы прыгивали со столов, стены тряслись, удержать равновесие становилось все труднее. На какую-то секунду Инне показалось, что она смотрит какой-то фильм, и тогда ей в голову пришло название происходящему. Она никогда не думала, что сможет применить его к Форису, поскольку многочисленные исследования показывали отсутствие сейсмической активности, по крайней мере, в их районе, но, похоже, что это было оно.

Землетрясение.

Глава 10

Происходящее казалось настолько нереальным, что сначала все трое застыли на своих местах, не зная, что делать. На Форисе никогда не было никаких землетрясений, и поэтому первой реакцией был шок. Инна даже забыла про боль в руке.

Первым пришел в себя Кроссман. Когда груды приборов начали рушиться и падать под ноги, а стены дома затрещали, он решительно сказал:

– Нужно выбираться на улицу!

Инне два раза повторять не требовалось. Она поспешно бросилась к двери в прихожую. По стенам пробежали трещины, они вот-вот грозили обвалиться. Стоило девушке выйти из гостиной, как прямо перед ней рухнула часть потолка, она еле успела отскочить в сторону.

Обломки почти перекрыли выход из дома. Впрочем, куча оказалась не очень большой, и по ней вполне можно было перелезть. Не успела Инна попробовать забраться на нее, как из гостиной выбежала Маклейн, оттолкнула девушку в сторону и быстро принялась карабкаться.

В условиях всеобщей тряски Инне было трудно удержать равновесие, и она упала на пол. Маклейн уже вырвалась на свободу, а Инна лежала на трясущейся поверхности и пыталась встать. Кроссман, вышедший из гостиной последним, поспешил помочь ей подняться.

Инна снова попыталась забраться на груды обломков. Из-за тряски многие из них скатывались вниз, и найти хоть что-то прочное, за что можно было ухватиться, оказалось не просто. Тут сзади раздался громкий треск, а за ним крик. Обернувшись, девушка увидела, что Кроссман лежит на полу, а его ногу придавило здоровенным элементом крыши. Судя по всему, тот был слишком тяжелым, чтобы его поднять.

Внутри Инны все дрожало от страха и твердило, что надо бежать на улицу, пока и ее чем-нибудь не придавило. Но при этом в ней разыгралась совесть, твердившая, что нельзя бросать человека в критической ситуации. В памяти всплыла информация о краш-синдроме... если не снять предмет вовремя, то может начаться некроз тканей или что-то в этом роде. Поэтому она вновь спрыгнула с груды обломков и поспешила к пострадавшему.

Тот, в свою очередь, был недоволен ее поведением.

– Что ты делаешь? – морщась, вскричал Кроссман. – Уходи скорее, пока весь дом не обвалился!

– Но не могу же я Вас здесь бросить! – воскликнула Инна.

Она попыталась поднять плиту, но это было глупо и бесполезно. Во-первых, Инна всего лишь слабая девушка, проводящая почти все свое время в помещении, а во-вторых, ее рука разболелась так сильно, что уже даже обезболивающие не помогали. Не могла же она поднять эту штукину одной рукой?

Дом уже практически разрушился, во всяком случае, крыши уже не было. Инна сразу поняла, откуда взялось то землетрясение – инопланетяне активизировались. В очередной раз девушка словно почувствовала на себе чужой взгляд, еще более пристальный, чем прежде. Она не сомневалась, что они в этот момент следили за городом откуда-нибудь сверху, из своего замаскированного корабля, и злорадно потирали руки. Инна хотела кричать во все горло о том, как она их ненавидит, но что толку с этого?

Сделать девушка ничего не могла. Вокруг нее постоянно что-то падало, и трудно было сохранить рассудок в такой ситуации. Инна встала, сжала руки в кулаки...

И тут тряска прекратилась.

Девушка пораженно замерла. Почему они остановились? Она была уверена, что инопланетяне решили сравнять их город с землей и перебить каждого жителя. Однако прошла минута, другая, и ничего не происходило. Какое-то время Инна встревоженно оглядывалась. Но потом с улицы стали доноситься крики, и она пришла в себя.

Девушка вновь опустилась на колени рядом с Кроссманом. Тот был жив, но явно мучился от страшной боли. Плита, придавившая его, оказалась очень тяжелой, и ее никак нельзя было сдвинуть. Пораскинув мозгами, Инна сказала:

– Я схожу за помощью.

Кроссман кивнул. Говорить, кажется, у него не было сил. От стен почти ничего не осталось, так что Инна перемахнула через одну из них и подбежала к собравшейся снаружи шокированной толпе.

– Там человека придавило, нужна помощь! – выкрикнула она.

Несколько мужчин тут же кивнули и бросились в дом. Инна обежала взглядом собравшийся народ, выискивая Маклейн, но той уже и след простыл. «Ну и жена у него, – подумала про себя девушка. – Неудивительно, что он с ней развелся».

Стараясь не обращать внимания на боль в руке, от которой хотелось с криками кататься по земле, она принялась осматривать окрестности, и с удивлением обнаружила, что, кроме дома Кроссмана, никакое другое здание не пострадало. Все дома и постройки стояли целеньки. К ней начало закрадываться подозрение, что это было вовсе не землетрясение...

Инна решила вернуться в дом или, точнее, в то, что от него осталось. Там она обнаружила, что плиту с Кроссмана уже сняли, а на его ногу накладывали шину из подручных материалов. Мужчина морщился, но не стонал. Увидев Инну, он даже попытался улыбнуться:

– Все в порядке. Всего лишь перелом.

– Всего лишь? – скинула брови Инна и тут вспомнила о своей травме. При таком образе жизни рука определенно не собиралась заживать.

– Мы уже вызвали врачей, – сказал один из спасателей. – Скоро прилетят.

До них донесся звук сирены. Инна тем временем снова опустилась на колени и прошептала:

– Это ведь они, правда? Мне кажется, это было не землетрясение... Пострадал только Ваш дом. Это был направленный удар. Странно только, что они остановились.

Кроссман нахмурился:

– Может, они хотели нас припугнуть? Может, они не хотят, чтобы мы искали твоего отца?

Инна пожалала плечами. Во дворе уже опустился таумобиль с врачами. Вскоре появились санитары с носилками и принялись погружать на них Кроссмана. Инна спросила у одного из них:

– А можно мне поехать с вами?

– А Вы кто? – спросил санитар.

Инна растерялась и протянула:

– Ну, я дочь его лучшего друга... – и тут резкая боль в руке подсказала ей ответ. – Я вчера руку вывихнула, а теперь она так болит, что мне кажется, без помощи не обойтись.

Санитары посмотрели на ее гипс, переглянулись и пожали плечами.

– Хорошо, залезайте.

Чувствуя на себе взгляды людей, Инна забралась в кузов машины и села на скамью. Маклейн так и не объявилась, и ей начало казаться, что и не появится. Девушка подумала, что надо бы позвонить Мизуки и спросить, не видела ли она ничего необычного, но потом вспомнила, что у той отобрали нейроресивер в клинике.

По странному стечению обстоятельств в приемном отделении их снова встретил Клод. Увидев Инну, он недовольно нахмурился, но при этом улыбнулся. Девушка не смогла удержаться от ответной улыбки. Клод согласился принять их с Кроссманом вместе, но, осмотрев ногу пострадавшего, покачал головой.

– Это вне моей компетенции, – заявил он. – Нужно оперировать. Сейчас вызову кого-нибудь, и Вас отвезут в хирургию.

Несмотря на серьезное повреждение, Кроссман держался довольно сносно.

– У нас с тобой просто травмоклуб какой-то, – слабо улыбаясь, сказал он Инне.

Когда Кроссмана увезли, Клод занялся ее рукой. Снял повязку, обнаружил небольшой отек, просветил руку насквозь каким-то прибором и наложил новую, на этот раз не так плотно.

– Надо Вам обезболивающее посильнее прописать, что ли, – задумчиво почесал подбородок Клод. – Да вот боюсь, что без боли Вы еще сильнее работать рукой примитесь. Я разве Вас не просил руку не напрягать?

Инна вздохнула:

– Просили... но у меня не получилось не напрягать. Там вот обвал произошел, я пыталась плиту поднять.

– Сломанной рукой? – Клод покачал головой. – А Вы мне показались разумной девушкой.

– Я была в отчаянии, – попыталась оправдаться Инна, но потом замолчала. Дура она, что тут еще говорить.

Однако Клод похоже, не так уж и злился. Вид у него был странно задумчивым, и он то и дело поглядывал на девушку так, как будто хотел что-то сказать, но не решался.

Парень встал и отступил к шкафу у дальней стены. Принялся перебирать какие-то таблетки. Но Инна видела, что мысли его витали где-то далеко. Поначалу она молчала, давая шанс ему самому начать разговор, но тот продолжал сохранять тишину. Вскоре обстановка стала такой неловкой, что Инна не выдержала и выпалила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.